

Н. С. ДЕМКОВА, Р. П. ДМИТРИЕВА, М. А. САЛМИНА

Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей*

Термин «древнерусская повесть» для всего феодального периода применяется и в самих заглавиях памятников, как переводных, так и оригинальных, и в исследованиях их настолько широко, что жанровые признаки этого вида литературы теряются в многообразных его разветвлениях. И в момент создания, и особенно в процессе длительного бытования в рукописной традиции отдельные повествовательные сюжеты для своего оформления использовали разные художественные стили в зависимости от того, какую задачу при обработке данной темы выдвигали на первый план автор или позднейший редактор: бытовой рассказ мог со временем превратиться в житие, а житийный сюжет, вступая в общение со сказкой, усваивал ее приемы развития действия; легендарные чудеса передавались с обстоятельностью документального исторического повествования, а описание действительных событий сплеталось с агиографической или сказочной фантастикой, краткие реплики действующих лиц разрастались в пышные монологи, в которых слышались отзвуки ораторской речи, устной народной или литературной лирики и т. д. Чтобы восстановить историю каждой отдельной повести, а затем нарисовать картину развития повести как жанра на разных этапах средневековья, необходимо провести тщательное текстологическое исследование всего рукописного материала, внимательно проследить в каждом списке за ходом мысли не только автора, но и позднейшего читателя, оставившего в тексте следы своего идейно-художественного осмысления старшего памятника.

Принципиально новые выводы, полученные советскими литературоведами в исследованиях ряда давно известных повестей самых разнообразных типов, опираются всегда на исчерпывающее изучение списков, как бы ни были они многочисленны. Только этим путем удается достаточно убедительно выделить авторский текст из более или менее обильных позднейших списков и выяснить отношение к нему читателей, иногда на протяжении многих веков. Нередки случаи, когда выводы авторитетных исследователей приходится решительно пересматривать в свете данных текстологических наблюдений. Вот почему в разнообразной тематике исследований древнерусских повестей целесообразно на первый план выдвинуть проверку самих изданий их, на которые опираются установившиеся идейно-художественные характеристики. Эта проверка выяснит, какие издания основаны на глубоком текстологическом изучении, какие требуют замены. Настоящая статья не претендует на исчерпывающие итоги такой

* Разделы 1, 2, 4 написаны Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, раздел 3 — Н. С. Демковой. Авторы приносят искреннюю благодарность В. П. Адриановой-Перетц за помощь в работе.

проверки. В дальнейшем мы, например, совершенно не касаемся тех многочисленных рассказов, повестей и сказаний, которые дошли в составе летописей, хронографов и других сложных памятников, даже в тех случаях, когда со временем они выделились из этих комплексов, так как изучение подобных повествовательных произведений должно вестись в неразрывной связи с исследованием компилятивных памятников в целом. Цель статьи — наметить ряд оригинальных повестей разнообразных типов, преимущественно XV—XVII вв., текстологическое исследование которых является первоочередной задачей. С полной уверенностью можно сказать, что в процессе этих исследований будет собран ценнейший материал для решения одной из самых важных проблем — проблемы идейно-художественного своеобразия древнерусской литературы.

Первые издания древнерусских повестей, оригинальных и переводных, появились в XVIII в.: «Троянская история» Гвидо де Колумна (1-е изд. — 1709 г.; 3-е изд. — 1743 г.), «Сказание» Авраамия Палицына (1784 г.), «Казанская история» (1791 г.), «Повесть о белом клобуке» (старообрядческое издание конца XVIII в.).

Усиленный интерес к древнерусской повести и открытие новых памятников повествовательной литературы к середине XIX в. вызвали многочисленные публикации, нередко в повременной печати: Повесть о Дракуле,¹ Повесть о Басарге,² Повесть о Фроле Скобееве,³ Повесть о Горе-Злочастии⁴ и др.

Как правило, эти издания осуществлялись по одному списку без точного указания шифра и без описания рукописи, лишь со ссылкой на ее владельца. Многие из таких изданий и остались единственным свидетельством существования этого списка произведения.

Параллельно началась регулярная публикация повестей в научных журналах и изданиях («Сказание о Гришке Отрепьеве» было издано в ЧОИДР,⁵ в «Летописях русской литературы», издаваемых Н. С. Тихонравовым, были напечатаны «Повесть о Савве Грудцыне»,⁶ «Прение живота и смерти»⁷ и др.).

Впервые русские повести самых разнообразных типов были изданы в «Памятниках старинной русской литературы» в 1860 г.⁸

Издание это до сих пор не потеряло своего значения, так как оно является наиболее полной антологией русских повестей, единственной в своем роде: многие из повестей опубликованы только там и до сих пор нигде не переиздавались. Стремясь к полноте издания, «Памятники» приводили несколько вариантов (редакций) некоторых произведений (в двух «вариантах» издана «Повесть о Марфе и Марии», в трех — «Повесть о Петре и Февронии»).

Однако повести здесь были изданы в основном по тому же принципу — по 1—2 случайным спискам, оказавшимся в руках издателей.

¹ В кн.: И. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. СХV.

² Н. Полевой. Древнерусские повести. — Русский вестник, 1842, № 1, отд. II, стр. 65—75.

³ [М. П. Погодин]. История о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушке. — Москвитянин, 1853, т. I, отд. IV, стр. 3—16.

⁴ Н. Костомаров. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. 1, стр. 49—68.

⁵ Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и о походе его. — ЧОИДР, 1847, кн. 9, отр. II, стр. 1—36.

⁶ Летописи русской литературы и древности, изданные Н. С. Тихонравовым, т. I, ч. II, М., 1859, стр. 61—80.

⁷ Там же, ч. III, стр. 186—193.

⁸ Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2. СПб., 1860, 482 стр.

Разночтения, которые иногда давались, приводились не все, а лишь «важнейшие».⁹ Некоторые повести были опубликованы без всяких оговорок, как самостоятельные памятники, в то время как в действительности они являлись лишь частью другого произведения. Так была издана «Повесть о видении пономаря Тарасия»,¹⁰ входившая в «Житие Варлаама Хутынского». Издание грешит многими ошибками и пропусками.¹¹

В связи с дальнейшим изучением древнерусских рукописей и новыми находками списков памятников различного содержания, в том числе и повествовательных произведений, характерным становится издание памятников по нескольким спискам. Так начинается следующий этап и в издании повестей. Проводятся сопоставление, сличение списков, предварительное текстологическое изучение их, делаются выводы об архетипе памятника. Возникает практика издания сводных текстов, распространившаяся и на публикации повестей, ошибочная в своей основе, так как сведение нескольких списков произведения в один дает неправильную картину литературной истории памятника (наблюдаемые отличия в текстах нередко являются признаками разных редакций).

Так, например, в издании И. И. Срезневского была произвольно сведена из нескольких списков в единый текст «Повесть о разорении Рязани Батыем».¹² Примером подобного сводного текста является издание в «Русской хрестоматии» Ф. И. Буслаева «Повести о Волоте Волотовиче»¹³ (дан сводный текст по четырем спискам). Этот принцип издания применялся и И. Н. Ждановым, который, издавая «Сказание о князьях владимирских», слил воедино две редакции памятника.¹⁴

Практика этих изданий объяснялась не до конца доведенной текстологической работой (сличались не все списки произведения), что и не позволяло выявить различные редакции памятников.

В начале XX в. текстологическое изучение памятников становится подлинно научным: началось изучение «литературной истории» повестей. Выдвигается требование не только установить архетип памятника в результате изучения списков, но и исследовать судьбу различных редакций, вышедших из архетипа,¹⁵ в их историческом и социальном бытовании. Этот этап в текстологическом изучении литературных произведений и среди них древнерусских повестей связан с научной деятельностью В. Н. Перетца и с работами его учеников (В. П. Адриановой, И. П. Еремина, Л. Т. Белецкого и др.).

Большую роль в текстологическом изучении древнерусских повестей сыграли общие текстологические принципы, выдвинутые А. А. Шахмато-

⁹ См.: Повести о бесноватой жене Соломонии. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161—164.

¹⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 283—284.

¹¹ Например, издание «Повести о новгородском посаднике Щиле»: И. П. Еремин и И. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. (Исследование и текст). — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 59.

¹² И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. XXXIX. СПб., 1867 [см.: Д. С. Лихачев. Комментарий археографический (Повесть о разорении Рязани Батыем). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 255].

¹³ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. Изд. 2-е, исправленное. М., 1877, стр. 322—331.

¹⁴ И. Н. Жданов. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских». СПб., 1891.

¹⁵ См.: В. Н. Перетц. Из лекций по методологии истории русской литературы. Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914, стр. 329—338.

вым и осуществленные в его исследованиях по русскому летописанию (а также в исследованиях В. М. Истрина, К. К. Истомина и других), среди них в первую очередь принцип комплексности, требующий изучения текста произведения в составе цикла и всего рукописного окружения. Эти принципы исследования текста были развиты и обогащены в дальнейшем советской текстологической наукой, требующей изучения текста памятников, в частности повестей, в тесной связи с их идейным содержанием.¹⁶

Важным этапом в жанровом развитии повести в XV в. явились разного рода «сказания» легендарно-политического характера (например, Сказание о Вавилоне граде, о взятии Царьграда турками) и повести, стоящие на грани агиографического и исторического жанров, связанные с народной сказкой и преданием (например, повести о Петре и Февронии, о Петре царевиче Ордынском, о Меркурии Смоленском и др.), также отразившие политические идеи своего времени.

В первой группе выделяется цикл различных по литературной форме произведений, объединенных общей исторической темой — взятие Царьграда турками в 1453 г. В этом цикле наибольшее внимание исследователи уделили той «Повести о взятии», автором которой предположительно считается Нестор Искандер. По своим литературным достоинствам эта повесть занимает одно из первых мест среди исторических повестей не только XV в., но и до XVII в. включительно ее влияние заметно ощущается в историческом повествовании, преимущественно в способе изображения воинских картин.

М. Н. Сперанский¹⁷ четко показал, что существует два вида той «пространной» повести, которая только в одном списке приписывается Нестору Искандеру; огромное число списков без имени автора дошло в составе Хронографа первой редакции. Выводы М. Н. Сперанского, как и М. О. Скрипиля,¹⁸ сделаны на основании знакомства с рукописными текстами обоих видов повести, однако ни тот, ни другой исследователи не указали, какие именно рукописи были ими использованы. Между тем даже по вопросу о времени возникновения того первоначального текста «пространной» повести, который отражен в сохранившихся ее видах, не существует единого мнения: этот исходный текст датируют то XV,¹⁹ то XVI в. Совершенно очевидно, что исследование «пространной» повести необходимо начать сначала — с приведения в известность всех списков, их распределения по редакциям и видам, в итоге которого хотя бы предположительно выяснится состав и форма исходного текста. Таким образом, на очереди текстологическое исследование и подготовка критического издания всех разновидностей «пространной» повести.²⁰ Лишь на его основе возможно будет окончательное решение остальных вопросов.

¹⁶ См. обобщающий труд по вопросам древнерусской текстологии: Д. С. Лихачев. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962.

¹⁷ См.: М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954; т. XII, М.—Л., 1956.

¹⁸ М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 166—184.

¹⁹ С. Н. Азбелев. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 334—337.

²⁰ Повесть издавалась несколько раз по случайным спискам как в составе комплекций, так и отдельно. Издан был и наиболее интересный по своим особенностям текст XVI в. (Троицк., 733). См. об этом: И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде. — Ученые записки II отделения имп. Академии наук, кн. 1. СПб., 1854;

Уточнив наблюдения над литературной судьбой пространной Повести о взятии Царьграда турками, необходимо довести до конца исследование и других памятников, близких ей по теме.²¹ Текстологическая работа над ними установит, какие из этих произведений были переведены с греческого, какие сложились на русской почве.

Цикл повестей о Вавилоне граде неоднократно привлекал внимание исследователей и издавался несколько раз по отдельным спискам. Последний исследователь повестей о Вавилоне граде М. О. Скрипиль пришел к выводу, что наиболее ранним произведением среди этого цикла является «Сказание о Вавилоне граде», появление которого он относит к первой половине XV в., затем уже были составлены своды, объединяющие «Сказание» и ряд повестей или притч.²² М. О. Скрипилем издан текст «Сказания» по раннему списку XV в.²³ Для издания полного цикла повестей о Вавилоне предстоит большая текстологическая работа по всем сохранившимся спискам «Сказания» и повестей.²⁴ Эта работа раскроет сложный путь от старших литературных обработок к народной сказке, покажет, как своеобразно сплетались, особенно в XVII в., литературные версии с устной сказочной традицией. Критическое издание всех разновидностей старшего «Сказания о Вавилоне граде» послужит основой для решения ряда вопросов литературно-фольклорных связей в XVI—XVII вв.

Повесть о Петре и Февронии принадлежит к числу тех произведений, которым уделено большое внимание в исследовательской литературе, тем не менее многие вопросы, связанные с этим памятником, остаются до сих пор не решенными. Одним из центральных вопросов является датировка повести. Часть исследователей считает, что Повесть о Петре и Февронии была написана во второй половине XV в. и именно в ней видят наиболее ярко выраженные новые черты в развитии художественной литературы второй половины XV в.²⁵

В противоположность этому мнению В. Ф. Ржига, изучив большое количество списков повести, пришел к заключению, что повесть была написана в середине XVI в., а автором ее является Ермолай-Еразм.²⁶

М. О. Скрипиль вновь обратился к рукописным спискам Повести о Петре и Февронии. Однако датировка повести у него основана не на тех данных, которые дает рукописная традиция, а определена литературными явлениями XV в. и связана с вопросами народно-поэтического творчества того времени.²⁷ Доводов в пользу авторства Ермолая-Еразма,

Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. — ПДПИ, т. LXII. СПб., 1886; Г. Дестунис. Новоизданный список Повести о Царьграде. — ЖМНП, 1887, февраль, стр. 366—367; М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков.

²¹ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков.

²² М. О. Скрипиль. 1) Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 119—144; 2) Проблемы изучения древнерусской повести. — ИЮЛЯ, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 197—199.

²³ ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 142—144. Переиздание в кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 85—87.

²⁴ В настоящее время такая работа ведется Н. Ф. Дробленковой.

²⁵ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 104—106; История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 204; Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, гош. IX, seš. 2. Praga, 1930, стр. 279—298.

²⁶ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926, стр. 112—147.

²⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 131—167.

выдвинутых В. Ф. Ржигой, М. О. Скрипиль в своем исследовании не касается.

В последние годы опять поднят вопрос о времени написания Повести о Петре и Февронии в статьях А. А. Зимина и А. И. Клибанова.²⁸ Оба исследователя разделяют точку зрения В. Ф. Ржиги. Однако никаких новых существенных доказательств в подтверждение наблюдений В. Ф. Ржиги в этих статьях нет.

Датировка В. Ф. Ржигой повести XVI в. опирается на его текстологические наблюдения. Распределение списков повести по редакциям, проведенное В. Ф. Ржигой, было принято и М. О. Скрипилем, однако это не помешало ему причислять повесть к литературе XV в. и сближать ее с литературными явлениями именно этого времени. Чтобы решить вопрос о том, есть ли необходимость возвращаться к текстологическому исследованию повести, проследим за тем, как доказывает В. Ф. Ржига принадлежность старшей редакции повести Ермолая-Еразму.

В. Ф. Ржига, изучив около 100 списков первой редакции, пришел к заключению, что она представлена двумя вариантами. К первому варианту относится большинство списков повести, из которых древнейшим и более близким оригиналу является список собрания Хлудова, № 147. Ко второму варианту принадлежит всего один список собрания Московской Духовной академии, № 224 (с подписью об авторстве Ермолая-Еразма). В. Ф. Ржига высказал предположение, что и второй, и первый варианты повести были написаны Ермолаем-Еразмом: «Все данные говорят, по-видимому, за то, что автором и первого варианта был Ермолай-Еразм: а) в составе этого варианта находится предисловие, с характерными для Ермолая мыслями о Троице; б) автор повести сам называет себя „прегрешным“: „да помянете же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах, неведый, аще инии суть написали, ведуще, выше мене“ (Хлуд., № 147, лл. 424 об., 425); в) древнейший Хлудовский список Повести, относящийся, судя по водяным знакам, ко времени около 1564 г. (см.: Тромонии, № 1602, № 358 — водяные знаки Апостола 1564 г.), находится вместе с сочинениями Ермолая».²⁹ Заключение в пользу авторства Ермолая-Еразма первого варианта повести основано на данных предисловия и похвалы и на наличии в сборнике сочинений Еразма.

М. О. Скрипиль вновь изучил и сопоставил тексты первой редакции повести по 60 спискам (всего ему было известно около 120 списков). Его мнение относительно литературной истории создания повести не совпадает с наблюдениями В. Ф. Ржиги, и подготовленное им издание текста повести на первый взгляд служит подтверждением его концепции в противоположность выводам В. Ф. Ржиги. Но фактически М. О. Скрипиль не только не опроверг выводов В. Ф. Ржиги, а подтвердил правильность его текстологических наблюдений.

М. О. Скрипиль издал текст по списку собрания Хлудова, № 147, с подведением вариантов по 12 спискам.³⁰ При издании за основной список выбран тот самый, который и В. Ф. Ржига считал наиболее близким оригиналу. Предисловие и похвала при издании основного текста были

²⁸ А. А. Зимин. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 229—233; А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли. — ИЗ, т. 65. М.—Л., 1959, стр. 303—315.

²⁹ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 130.

³⁰ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты)..., стр. 221—247. Переиздано в кн.: Русские повести XV—XVI веков, стр. 108—115. Впервые текст первой редакции был издан по спискам ГПБ F.I.294 и Q.XVII. 18 в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 29—39).

изъяты и изданы в конце без подведения вариантов по остальным спискам. М. О. Скрипиль считал предисловие и похвалу явлением вторичным; по мнению М. О. Скрипиля, первоначальная редакция их не содержала. Возможно, что предположение М. О. Скрипиля и является верным, но те списки, по которым он делает издание, имеют предисловие и похвалу и, видимо, принадлежат к той редакции, одной из признаков которой и являются предисловие и похвала.

Список собрания Московской Духовной академии, № 224 (второй вариант по В. Ф. Ржиге), М. О. Скрипиль издал отдельно, хотя и не дал ему определения как особого варианта. Он устанавливает близость в отдельных чтениях с определенной группой списков первого варианта, считая, что список с именем Еразма в отдельных чтениях далек от архетипных чтений; М. О. Скрипиль отклоняет вывод об авторстве Ермолая-Еразма.³¹ Однако на основании только этого признака нельзя считать решенным вопрос об авторстве Ермолая-Еразма. Ведь В. Ф. Ржига связывал и первый вариант с Ермолаем-Еразмом. Кроме того, совпадения в отдельных чтениях не выявляют генеалогию списков в целом. В издании М. О. Скрипиля остались неясными не только взаимоотношения списка Московской духовной академии, № 224; со списками, близкими ему в отдельных чтениях, но и с основным текстом.

Таким образом, текст первой редакции М. О. Скрипилем издан в соответствии с его концепцией происхождения повести; это издание не обосновано текстологическими наблюдениями над списками повести, в нем не выяснены взаимоотношения списков, потому оно не отменяет наблюдений В. Ф. Ржиги.

Кроме того, не изучен состав сборников, в которых сохранилась повесть. Выявление состава сборников может помочь и в решении вопроса об авторстве Ермолая-Еразма. Ведь одним из аргументов в пользу мнения В. Ф. Ржиги является наличие произведений Ермолая-Еразма в Хлудовском сборнике. Если этот факт не является случайным, то подтверждение этому может обнаружиться и в других рукописях.

Выясняется необходимость вернуться к вопросу о двух вариантах первой редакции повести, проверить взаимоотношения их, заново издать эту редакцию без необоснованного отсечения от нее предисловия и похвалы. Текстологические доводы за или против авторства Ермолая-Еразма следует усилить.

Последующие редакции в текстологическом отношении исследовались только В. Ф. Ржигой. Появление второй редакции он отнес к XVII в., отметил ее отличие от первой и перечислил ее списки. Вторая редакция была издана один раз по единственному списку.³² Эта редакция нуждается в текстологическом исследовании и научном издании.

К третьей редакции относится один список в рукописи ОЛДП, № CLV. В. Ф. Ржига дает подробную характеристику содержания редакции, настолько отличающейся от предыдущих редакций, что представляет собой новое произведение.³³ Текст повести этой редакции не опубликован.

Четвертая редакция является поздним этапом литературного развития повести, она сохранилась в единственном списке, который был опубликован В. Ф. Ржигой.³⁴

³¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты)..., стр. 224.

³² Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 39—45.

³³ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 138—143.

³⁴ В. Ф. Ржига. Повесть о Петре и Февронии в русскокой литературе конца XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 429—436.

Вокруг Повести о Василии Рязанском («О граде Муроме и о епископыи его, како преиде на Рязань») в исследовательской литературе завязался спор, напоминающий дискуссию об авторе Повести о Петре и Февронии. М. О. Скрипиль относит эту повесть к циклу легендарно-политических сказаний второй половины XV в.³⁵ И. Шляпкин высказал мнение, что автором литературной обработки повести можно считать Ермолая-Еразма.³⁶ Это предположение поддержал В. Ф. Ржига,³⁷ мнение которого оспаривал Ю. А. Яворский.³⁸ Аргументы, приводимые в пользу авторства Ермолая-Еразма, очень близки тем, которые приводятся в отношении первой редакции Повести о Пётре и Февронии.

Решение вопроса о времени написания повести, так же как в случае с Повестью о Петре и Февронии, во многом зависит от текстологического изучения всех рукописных списков повести. Повесть дошла в виде самостоятельного произведения и в составе «Жития князя Константина и чад его Михаила и Федора».

Полного сопоставления между собой всех редакций повести и одновременно с текстом жития никто не проводил. Повесть была издана несколько раз по отдельным спискам.³⁹ Необходимо выявление всех списков повести и издание по всем редакциям.

В XV в. в повествовательной форме был обработан с определенной политической целью ряд местных легенд. При новгородском архиепископе Евфимии II возник цикл сказаний, созданных вокруг имени первого новгородского архиепископа Иоанна. Появление этих сказаний тесно связано с политической жизнью Новгорода того времени; сами сказания представляют интерес и как литературные памятники.⁴⁰

Все они изданы по отдельным случайным спискам. Новому изданию их должна предшествовать большая исследовательская работа. Эти сказания настолько связаны друг с другом, что представляют собой единый цикл, и изучение их возможно только при одновременном исследовании всех сказаний вместе. Сохранились эти произведения и в отдельных списках, и в составе жития Иоанна Новгородского,⁴¹ и в летописях, включались в службы и торжественники.

Центральное место в цикле легенд, связанных с Иоанном Новгород-

³⁵ М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания древней Руси. — Доклады и сообщения, Филологический институт ЛГУ. Л., 1950, вып. 2, стр. 61—62.

³⁶ И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного. — Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 563—565.

³⁷ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 163. Это мнение разделяется в статье А. А. Зимина «Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февроний» (стр. 232—233) и в статье Г. К. Вагнера «Повесть о рязанском епископе Василии» (ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 174).

³⁸ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, стр. 231—298.

³⁹ 1) «Повесть о водворении христианства в Муроме» по списку Румянцевского музея, № 364 (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 229—237); 2) по списку собрания Худова, № 147 (Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели», стр. 563—565); 3) «Повесть о чудеси пречистыя Богородица о граде Муроме и о епископе его како прииде на Рязань» (шифр рукописи не указан) (Летописи русской литературы и древности, т. II, отд. 3, стр. 97—99).

⁴⁰ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 262—264.

⁴¹ В. О. Ключевский писал о житии: «Почти все его содержание состоит из легенд о построении Благовещенского монастыря, о Знамени, о путешествии в Иерусалим на бесе и о мести последнего владыке ..., упомянутые повести и житие написаны в конце 70-х или 80-х годах XV в.» (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 162, 164).

ским, занимает легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцами («Сказание о знамении от иконы Богородицы»). Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославянского писателя Пахомия Сербя, который был приглашен в Новгород между 1429 и 1438 гг. Им были написаны «Похвальное слово Знамению» и служба. Легенда возникла и проникла в письменность до Пахомиевой обработки.⁴² Она была включена в Новгородский свод 1448 г. под заглавием «О знамении святых Богородицы». Как и остальные легенды этого цикла, она включена в Житие Иоанна Новгородского.⁴³

Издана повесть о победе новгородцев над суздальцами только один раз по одному списку — собрание Погодина, № 1343.⁴⁴

Легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим, имеющая особенно большой литературный интерес,⁴⁵ тоже далеко не до конца изучена и издана по отдельным случайным спискам.

В. О. Ключевский появление этой повести целиком связывал с житием Иоанна Новгородского: «Не видно, чтобы сказание о путешествии в Иерусалим и о мщении беса существовало в письменности раньше жизнеописания Иоанна; едва ли не впервые оно записано в этом житии по изустным рассказам неложных „свидетелей“».⁴⁶

Впервые текст повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим был издан по списку собрания Румянцевского музея, № 154.⁴⁷ Повесть в этой рукописи включена в житие. Второй раз повесть издана В. Н. Перетцом по рукописи XVII в. собрания Церковно-археологического музея Киевской Духовной академии, № 25 (№ Аа118).⁴⁸ В этой рукописи повесть тоже находится в составе жития Иоанна. В исследовании В. Н. Перетца рассматривает повесть как часть жития. Однако эта повесть встречается в рукописях и в виде самостоятельного произведения, например, в списке собрания Погодина, № 1557.⁴⁹

Предстоит большая текстологическая работа по выяснению взаимоотношений всех сохранившихся текстов повести при одновременном изучении других повестей этого цикла. Только таким путем решится вопрос о том, действительно ли повесть впервые литературно оформил составитель жития Иоанна как часть этого жития, действительно ли отдельные списки повести оторвались от жития.

⁴² История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 263—264. Слово в составе службы помещено в рукописи собрания Румянцева, № 397, в составе Торжественника в рукописи собрания Румянцева, № 436 и 437 (А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 593, 602, 690, 705).

⁴³ А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума; на стр. 206 сказано, что в рукописи № 154 в житии включено повествование о знамении Богородицы.

⁴⁴ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 241—242. Отдельно повесть находится в рукописи собрания Погодина, № 1551. (В рукописи называется «Слово на знамение»). А. Ф. Бычков отмечает, что этот текст отличается от изданного (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 35).

⁴⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 263.

⁴⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 164.

⁴⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 245—248. В издании ошибочно указан шифр (рук. № 134).

⁴⁸ В. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—11 июня 1915 г. Киев, 1916, стр. 69—74.

⁴⁹ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 112.

Аналогичные вопросы предстоит решить и относительно повести о построении Благовещенского монастыря в Новгороде, которая издана по рукописи собрания Румянцевского музея, № 39.⁵⁰

К числу легенд, появившихся в конце XV в. в Новгороде, связанных с падением новгородской независимости, относится «Сказание о построении варяжской божницы». «Сказание» принадлежит к числу тех легенд, в которых отразилось несочувственное отношение к новгородским порядкам эпохи независимости Новгорода. «Легенда эта составила, как можно думать по некоторым признакам, вскоре после падения новгородской независимости».⁵¹

Повесть была издана по рукописи собрания Румянцевского музея, № 39,⁵² без учета и изучения рукописной традиции, поэтому издание ее не может считаться удовлетворительным. Возможности текстологического изучения по ряду списков не выявлены, хотя в научной литературе имеется упоминание о довольно раннем списке этой повести — списке собрания Московской Духовной академии, № 659, написанном не позднее 1536 г.⁵³

Повесть о Володе Волотовиче по отдельным спискам была издана несколько раз.⁵⁴ Упоминание об этой повести есть в рукописном собрании Погодина, № 1952.⁵⁵ Последний исследователь повести А. В. Марков, называя еще один список повести, делит известные ему списки на две группы. К первой группе он относит список Музейного собрания, № 591, считая, что он представляет собой новгородскую переделку XV в., соединенную с апокрифом. Остальные же списки относятся ко второй группе, которая является второй новгородской переделкой памятника XV в. (около 1492 г.). Однако этой разбивкой списков текстологическое изучение повести не может ограничиться. Со времени выхода в свет статьи А. В. Маркова прошло 50 лет, обнаружен еще ряд списков в описанных за это время рукописных собраниях. Внимательный анализ всего материала поможет внести ясность в целый ряд вопросов, касающихся как первоначального вида повести, так и ее дальнейших переработок: отношение повести к апокрифам и к устным духовным стихам представляется пока весьма туманно, а отсутствие критического издания повести не дает возможности углубить исследование ее связи с литературной и фольклорной традициями.

Среди повестей XV в., стоящих на грани агиографического и исторического повествования, назовем Повесть о Петре царевиче Ордынском. Эта повесть издавалась неоднократно по разным спискам, но без всяких попыток проследить ее литературную историю.⁵⁶ Между тем эта повесть

⁵⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 255—256.

⁵¹ Д. С. Лихачев. Новгород Великий. М., 1959, стр. 80.

⁵² Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 251—252.

⁵³ А. Седелъников. Литературно-фольклорные этюды. — Slavia, гоѣ. VI, сеѣ. 1. Praga, 1927, стр. 96.

⁵⁴ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия, стр. 322—331 (сводный текст по четырем спискам). Один из этих списков опубликован в статье Ф. И. Буслаева «Волод Волотович» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 461—463). По рукописному собранию Буслаева издан текст в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 2, стр. 307—308). В приложении к исследованию А. В. Маркова (Повесть о Володе и ее отношения к повести о св. граде Иерусалиме и к списку о Голубиной книге. — ИОРЯС, 1913, кн. 1, стр. 49—86) издан текст по Музейному списку, № 591.

⁵⁵ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 332.

⁵⁶ Православный собеседник, ч. 1. Казань, 1859, стр. 356—376 (по списку XVI в. Казанской академической библиотеки, № 854, при издании использован текст рукописи XVII в., принадлежавшей В. И. Григоровичу); Ф. Буслаев. Исторические

представляет особый интерес по самой своей литературной форме. Нередко именуемая в списках «житием царевича Петра», эта, по определению В. О. Ключевского, «простая повесть, чуждая житийных приемов, без предисловия вначале, без похвалы и чудес в конце».⁵⁷ Б. Н. Путилов, характеризуя повесть, отмечает, что легендарный материал был «подвергнут политическому истолкованию и поднят на более высокую ступень художественности». Он отмечает, что на примере этой повести видно «стремление к показу человека с его сложной судьбой в развитии его характера».⁵⁸

Только текстологическое изучение судьбы этой повести-жития может показать, было ли это «стремление к показу» развития характера человека обнаружено уже автором XV в. или оно проявилось лишь у позднейших читателей. В равной степени на основе внимательного анализа списков повести подлежит уточнению ее отношение к агиографическому стилю: по-видимому, были переписчики, которые усиливали «житийную» окраску текста, но были и другие читатели, которых интересовала больше историческая и бытовая стороны повествования. Критическое издание повести, число списков которой велико, создаст прочный фундамент для решения всех подобных вопросов, важных не только для характеристики самого памятника, но и для выяснения путей развития повести в XV—XVII вв.

Характер легендарно-политического сказания приобрели в литературной обработке какие-то устные рассказы о Тимофее Владимирском. Повесть, описывающая полную всяких приключений жизнь владимирского попа, который потом стал «храбрым воеводой» у казанского царя, воевал против русских, а под конец жизни раскаялся, изучена и издана с учетом 24 списков М. О. Скрипилем.⁵⁹ Однако текстологический анализ этих списков не доведен до конца, и характеристика двух редакций с их вариантами нуждается в дополнительном обосновании, равно как неясным остался и выбор списков, положенных в основу издания каждой редакции.⁶⁰

Последний исследователь Повести о новгородском белом клобуке Н. Н. Розов, изучив все сохранившиеся списки повести, разделил их на три редакции: первая пространная (конец XV в.), вторая пространная, краткая (наиболее поздняя).⁶¹ Выводы Н. Н. Розова вызвали возраже-

очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 159—164 [приведены отрывки по рукописи Уварова, № 884 (Царского, № 743) и Уварова, № 517 (Царского, № 378)]; Ярославские епархиальные ведомости, 1875, ч. неоф., № 39, стр. 317—322, № 40, стр. 323—325; Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, стр. 342—345 (в отрывках по рукописи Новгородской Софийской библиотеки, № 503, и рукописи митрополита Макария, № 8); Ярославские епархиальные ведомости, 1900, ч. неоф., № 33, стр. 513—517; № 34, стр. 529—534 (по рукописи Ростовского собора); № 35, стр. 545—551 (по рукописи Толгского монастыря); Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 98—105 (по списку начала XVI в. — ГПБ, собрание Софийской библиотеки, № 1364).

⁵⁷ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 42.

⁵⁸ История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 207.

⁵⁹ М. О. Скрипиль. Повесть о Тимофее Владимирском. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1961, стр. 287—307. На различия в тексте памятника в свое время обратил внимание А. Ф. Бычков (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников..., ч. 1, стр. 273—274), сравнил список собрания Погодина, № 1603, с изданным списком Лазаревского (Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 195—197).

⁶⁰ I редакция издана по списку ГПБ, QXVII.199; II редакция — по списку ГИМ, собрание Уварова, № 1895 (851). Позднее текст повести I редакции опубликован был М. О. Скрипилем по списку собрания Барсова, № 2134 (Русские повести XV—XVI вв., стр. 119—123).

⁶¹ Н. Н. Розов. 1) Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 178—208; 2) По-

ния со стороны Я. С. Лурье.⁶² По мнению Я. С. Лурье, краткая редакция скорее является более ранней; посылная грамота и написание епископа Геннадия позднего происхождения. Н. Н. Розов опубликовал библиографию списков Повести о новгородском белом клобуке,⁶³ в которой списки повести распределены по редакциям и группам, что значительно облегчит работу дальнейших исследователей повести. Однако ввиду того что само распределение списков по редакциям вызвало возражения, материал, собранный в библиографии, предстоит изучить при подготовке издания. Повесть о новгородском белом клобуке издавалась несколько раз,⁶⁴ но издания сделаны по случайным спискам и не наиболее ранним, а вторая пространная редакция издана только в примечаниях. Таким образом, это произведение ждет полного научного издания всех его редакций.

2

По сравнению с XV в. в следующем столетии падает интерес к чисто светским повестям. но возрастает число назидательных «сказаний», «притч» и повестей. Часть этих повествовательных произведений совсем не изучена и издана лишь по единичным случайным спискам, часть издавалась неоднократно, однако без глубокого исследования их литературной истории по всем спискам.

Своевременно напомнить о необходимости опубликовать подготовленное к печати покойным М. О. Скрипилем исследование повести о Басарге,⁶⁵ в приложении к которому имеется и критическое издание, раскрывающее литературную историю одной из интереснейших повестей XVI в.⁶⁶ Именно издание позднейших редакций, а не только основного текста раскрывает сложный процесс воздействия политических идей XVI в. на извие принесенный сюжет повести, национального приурочения его и отражения в разработке его традиций русской сказки и былины.

Повесть о царице Динаре издавалась несколько раз по отдельным случайным спискам. Последнее издание осуществлено по списку XVI в. собрания Софийской библиотеки, № 1471 с исправлениями по списку 1642 г. собрания Уварова, № 1819 (533).⁶⁷

весть о новгородском белом клобуке (идейное содержание, время и место составления). — Ученые записки ЛГУ, № 173, Серия филологических наук, вып. 20, 1954, стр. 317—320.

⁶² Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 231—234.

⁶³ Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник..., приложение 1, стр. 208—217.

⁶⁴ История о отцех и стредальцех соловецких. Старобрядческое издание конца XVIII в.; Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 287—300 [перездание; Повесть о новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть табаце (СПб., 1861); текст первой пространной редакции без Написания Геннадия, для сравнения привлечен список второй пространной редакции]. Отчет о заметках в Воронежском губернском музее А. А. Назаревского. — Университетские известия. Киев, 1912, № 7, стр. 31—40, текст краткой редакции. Написание архиепископа Геннадия опубликовано Н. Н. Розовым (ТОДРА, т. IX, стр. 218—219). Не совсем ясно, почему опубликовано только одно Написание, которое фактически является только послесловием первой редакции.

⁶⁵ Итоги этого исследования были кратко изложены М. О. Скрипилем в статье «Московские повести конца XV—начала XVI в.» (История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 340—345).

⁶⁶ Начиная с 1842 г. повесть издавалась несколько раз без предварительного текстологического исследования по случайным спискам, которые являлись различными редакциями и вариантами повести. Последнее издание по списку XVIII в. было сделано М. О. Скрипилем (Русские повести XV—XVI вв., стр. 79—84).

⁶⁷ Русские повести XV—XVI вв., стр. 88—91.

М. Н. Сперанский, занимавшийся изучением списков повести, пришел к заключению, что все они принадлежат к одной редакции; имеющиеся отличия в некоторых списках не носят редакционного характера.⁶⁸

Эта повесть сохранилась в большом количестве списков. Иногда она встречается в конце Хронографа. Конечно, необходимы полное текстологическое изучение повести и новое научное издание ее.

В Повести о видении пономаря Тарасия отразились события новгородской жизни, связанные со стихийным бедствием 1508 г. Д. С. Лихачев считает, что, «несмотря на обилие общих мест и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих ее типично новгородским произведением».⁶⁹ Повесть написана после 1515 г., помещена в Пахомиевом житии Варлаама Хутынского и Новгородской III летописи под 1508 г.⁷⁰ Текст повести издан по рукописи XVI в. Румянцевского музея, № 154.⁷¹ Изданный текст в рукописи находится в составе жития Варлаама Хутынского.⁷²

Однако вслед за В. Яблонским А. Седельников высказал предположение, что «Повесть о видении» была присоединена к житию не ранее середины XVI в.,⁷³ следовательно, она сложилась как самостоятельное произведение. Проверить эту гипотезу можно лишь путем тщательного изучения сохранившихся списков повести и внутри жития, и в составе летописи.

Повесть о Луке Колоцком, два списка которой были указаны еще П. М. Строевым,⁷⁴ впервые издана М. О. Скрипилем по списку XVI в. ГИМ, № 1110 (Синод. VI). В заметке, сопровождающей публикацию,⁷⁵ повесть характеризуется так: «Зерно фабулы одной из ранних московских повестей — повести о Луке Колоцком — хорошо известно по ряду русских летописей — Ермолинской, Софийской I, Русскому хронографу, Псковской, Симеоновской, Воскресенской и др. Но в развитом своем виде повесть представлена только Степенной книгой и Никоновской летописью, да отдельно — многочисленными списками XVI—XIX веков».⁷⁶

Исследователь устанавливает, что повесть написана не позднее середины XVI в. Тексты по отдельным спискам восходят к Степенной книге. Варианты Никоновской летописи и Степенной книги, по мнению М. И. Скрипиля, восходят к более древнему, неизвестному нам тексту.

Таким образом, хотя изучение всех списков, возможно, и не даст много для изучения ранней истории памятника, но для выяснения позднего этапа ее существования и издания необходимы исследование и сравнение всех списков.

Из исторических повестей XVI в. ждет детального текстологического разбора и на его основе полного критического издания «Казанская исто-

⁶⁸ М. Н. Сперанский. Повесть о Динаре в русской письменности. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 67—68.

⁶⁹ Д. С. Лихачев. Новгород Великий, стр. 90.

⁷⁰ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 385—386.

⁷¹ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 283—284.

⁷² В рукописи БАН, 21.7.14 (XVII в.) эта повесть тоже включена в житие Варлаама Хутынского (Описание рукописного отдела БАН СССР, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 172).

⁷³ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 35; А. Седельников. Литературно-фольклорные этюды, стр. 97.

⁷⁴ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, стр. 352. П. М. Строев называет рукописи библиотеки Антониева Сийского монастыря, принадлежащие игумену Феодосию, и Минею месяца июля, хранящуюся в библиотеке Троицко-Сергиевой лавры, № 5.

⁷⁵ Русские повести XV—XVI вв., стр. 116—118, 455—459.

⁷⁶ Там же, стр. 455.

рия». Последнее издание 1954 г., приложенное к историко-литературному исследованию, воспроизводит один старейший список 1590-х годов и не дает полного представления о судьбе в рукописной традиции этой первой редакции и не затрагивает вопроса о второй редакции.⁷⁷

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» была издана В. И. Малышевым⁷⁸ по списку основной редакции, «древнему и наиболее исправному», с подведением к нему разночтений из других списков. Издание этого текста рассматривалось как начальный этап в деле дальнейшего изучения произведения, которое и с исторической, и с художественной стороны было еще «недостаточно исследовано», недоработан был вопрос и о его авторе.⁷⁹

Новое издание «Повести» должно быть осуществлено по обеим редакциям, с учетом и тех списков, которые стали известны в последние годы.

3

Когда мы обращаемся к вопросу об издании русских оригинальных повестей XVII в., то возникает представление, что эта группа памятников по сравнению с другими находится в значительно лучшем положении: существуют неоднократные издания повестей и отдельными исследователями, и в составе больших антологий, начиная от «Памятников старинной русской литературы» Г. Кушелева-Безбородко и кончая «Русской повестью XVII века».⁸⁰ Современные общие курсы по истории древней русской литературы⁸¹ и обе академические истории русской литературы⁸² рассматривают оригинальную русскую повесть XVII в. как основное звено литературного процесса той эпохи и уделяют ей весьма большое внимание. Создается впечатление относительного благополучия в изучении этого жанра.

Однако рассмотрение имеющихся изданий повестей приводит к обратному выводу. Уже в 1948 г. М. О. Скрипиль в специальной статье, посвященной проблемам изучения древнерусской повести, обратил внима-

⁷⁷ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954. «Казанская история» издавалась несколько раз начиная с XVIII в. Издания 1791 и 1902 гг. были подготовлены по случайным спискам позднейшей редакции, без привлечения разночтений. Издание, осуществленное в 1903 г. Г. З. Кунцевичем, базировалось на нескольких списках, представлявших две различные редакции. Об этом см.: Казанская история, стр. 24, 25.

⁷⁸ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. Под редакцией Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. О более ранних изданиях «Повести» см. стр. 128.

⁷⁹ М. Н. Тихомиров. Рец. на кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. Под редакцией Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952. — ИЮЛЯ, т. XII, вып. 2, 1953, стр. 172—173.

⁸⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2; Ф. И. Буслаев 1) Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861; 2) Русская хрестоматия (13-е изд. — 1917 г.); Д. Ровинский. Русские народные картинки, тт. I, III—V. СПб., 1881; В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. Для высших педагогических учебных заведений. Составил Н. К. Гудзий. Учпедгиз, М., 1935 (7-е изд. — 1962 г.) (далее: Н. К. Гудзий. Хрестоматия); Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль. ГИХЛ [Л.], 1954 (далее: Русская повесть XVII в.).

⁸¹ Например: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938 (6-е изд. — 1956 г.), стр. 374—420.

⁸² История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 28—42, 45—65, 67—68, 89—102, 187—282, 287—294; История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 257—310, 332—352, 363—367.

ние исследователей на то, что «до сей поры нет стоящих на уровне современных научных требований изданий текстов не только всех, уже известных в науке повестей, но даже крупнейших из них».⁸³ «Вполне научными» изданиями повестей XVII в. М. О. Скрипиль признал только издание «Повести о Фроле Скобееве»,⁸⁴ демократической сатиры⁸⁵ и «Повести о Савве Грудцыне».⁸⁶ После 1948 г. к списку повестей, изданных на основе тщательного текстологического изучения, добавились «Повесть об Улянии Осорбиной»⁸⁷ и ряд неизвестных и малоизвестных повестей XVII в., опубликованных М. О. Скрипилем («Слово и сказание о некоем купце», «Повесть о купце Григории», «Повесть о разуме человеческом»⁸⁸ и «Повесть о купце, купившем мертвое тело»⁸⁹). В книге В. П. Адриановой-Перетц «Русская демократическая сатира XVII века» была издана группа сатирических повестей, не вошедших в «Очерки»: «Повесть о Шемякинском суде», «Повесть о Фоме и Ереме», «Сказание о крестьянском сыне», «Повесть о бражнике», «Роспись о приданом», «Слово о мужах ревнивых», «Послание дворительное недругу».⁹⁰ В. И. Малышевым была издана по единственному списку найденная им «Повесть о Сухане» (отдельно и в монографии, ей посвященной).⁹¹

Как же обстоит дело с изданием остальной массы повестей XVII в.?

Значительная группа повестей вообще не имеет критического издания текста. К ним в первую очередь относятся «Повесть о бесноватой жене Соломонии», «Повесть о Марфе и Марии» и «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

Этим повестям особенно не повезло, так как они не попали ни в библиографию древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (3-й выпуск библиографии, где предполагалось поместить соответствующие материалы,⁹² не был издан), ни в библиографию А. А. Назаревского.⁹³

А между тем эти повести занимают особое место в литературном процессе XVII в., они являются ярким выражением определенной тенденции в становлении повествовательного жанра. Складываясь на основе старой

⁸³ М. О. Скрипиль. Проблемы изучения древнерусской повести, стр. 191.

⁸⁴ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. — ТОДРЛ, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

⁸⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.

⁸⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (Тексты). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 225—308.

⁸⁷ М. О. Скрипиль. Повесть об Улянии Осорбиной. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—373.

⁸⁸ М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 324—332.

⁸⁹ М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII в. («Повесть о купце, купившем мертвое тело»). — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 315—325.

⁹⁰ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»).

⁹¹ В. И. Малышев. 1) «Повесть о Сухане» (Неизвестное произведение русской литературы XVII века). — ИЮЛЯ, т. XIII, вып. 3, 1954, стр. 282—288; 2) Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 125—143.

⁹² Библиография истории древнерусской литературы. Древнерусская повесть, вып. 1. Составила В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская (далее: Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской). Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 11.

⁹³ Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955 (далее: Библиография А. А. Назаревского).

агиографической традиции, используя сюжетную схему легенды, а подчас и ее приемы характеристики героев, эти повести представляют собой качественно новый тип повествования, разрушающий рамки традиционной «духовной повести».

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» издавалась два раза,⁹⁴ но существующие издания повести не только не дают представления о ее литературной истории, они далеко не совершенны и в передаче текста.

Так, издатели «Памятников старинной русской литературы», публикуя повесть по двум случайным спискам, указывают не все разночтения, а лишь «важнейшие», не объясняя принципа их отбора. Субъективный подход к изданию сказался и в произвольной подаче текста: предисловие к повести, которое, по мнению издателей, «как приписка не составляет существенной части рассказа»,⁹⁵ приведено в конце повести как приложение.

Более точным в передаче текста и разночтений является издание ОЛДП, где повесть издана в составе «Жития Прокопия Устюжского» («чюдо 26»). Но здесь она (как и «Житие» в целом) была издана только по двум спискам, хотя издателям были еще известны списки самого «Жития» и «Сказания о чудесах» Прокопия Устюжского.⁹⁶

В этих изданиях полностью или частично использованы лишь 4 списка повести. А рукописная традиция повести очень богата. Материалы картотеки Н. К. Никольского и просмотр только некоторых описаний указывают еще около 20 списков ее, причем многие имеют большие отличия от изданных текстов (например, список ГБЛ, Музейное собрание, № 901, лл. 1—27, середины XVIII в.⁹⁷).

Необходимость археографических поисков и текстологического изучения повести очевидна. Исследование литературной истории повести позволит решить ряд вопросов ее художественного своеобразия, уточнит ее связи с житийной литературой, ибо «Повесть о бесноватой Соломонии» находится на стыке старой литературной традиции, связывающей эту повесть с жанром «посмертных чудес»,⁹⁸ и того нового, что утверждается в повествовании XVII в. и означает по существу становление русской «бытовой» и психологической повести. Место повести в литературном процессе XVII в., ее высокие художественные достоинства и оригинальность делают вопрос о ее научном издании особенно важным и актуальным.⁹⁹

⁹⁴ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 153—161; «Житие предподобного Прокопия Устюжского». Изд. ОЛДП, СПб., 1893, стр. рѣг — рѣе об. (ПДП, СИ). Д. Ровинский издал отрывки из лубочной повести в книге «Русские народные картинки» (т. IV, стр. 537—541; т. V, стр. 208—210).

⁹⁵ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 161.

⁹⁶ В предисловии к изданию (стр. I) указывалось, что не используется рукопись Е. В. Барсова (неполный список, без «26 чуда» — «Повести о Соломонии»), варианты из которой «подводить было не всегда возможно» ввиду большого различия текстов. В «Источниках русской агиографии» Н. Барсуков еще в 1882 г. сообщил о 21 списке «Жития» и о 4 списках «Сказания о чудесах» (стлб. 463—464).

⁹⁷ См.: Музейное собрание рукописей. Описание, т. I, №№ 1—3005. Под редакцией И. М. Кудрявцева. М., 1961, стр. 112.

⁹⁸ См.: М. О. С к р и п и л ь. 1) Повесть о Соломонии. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 197—215; 2) «Повесть о Соломонии бесноватой». — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 292—294.

⁹⁹ «Повесть» привлекает внимание исследователей при постановке самых общих историко-литературных проблем: она рассматривается в ряду явлений литературы барокко на русской почве [см.: А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения). — Русская литература, 1962, № 3, стр. 25] и внимание писателей: известна литературная переделка «Повести» А. Ремизова (А. Ремизов. Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951, стр. 64—93).

«Повесть о Марфе и Марии» также генетически связана с «духовной повестью», с легендами о явлении икон и построении церквей. Однако совершенная неизученность литературной истории повести не позволяет с достаточной полнотой судить об этих связях и отклонении ее от агиографической нормы.

Повесть известна в нескольких вариантах, два из них изданы в «Памятниках старинной русской литературы»,¹⁰⁰ несколько отличный от них вариант опубликован в «Памятниках древней письменности»¹⁰¹ и М. О. Скрипилем.¹⁰²

Нам известно 12 списков повести, и специальные розыски без сомнения позволят обнаружить новые списки. Каковы же взаимоотношения списков повести и ее вариантов? Каков ее архетип? Ответ на все эти вопросы должно дать текстологическое исследование. Известно, что в некоторых списках повести (например, собрание Ундольского, № 411, и БАН, 17.9.15) сохранилось предисловие, полностью нигде не изданное,¹⁰³ в котором рассказывается «творческая история» ее создания.

Рассказ о явлении чудотворного креста вначале существовал в виде краткой записи о памятном событии («токмо на малей хартийце просторечием, якоже поселяня написали и держажу памяти ради»¹⁰⁴), а затем по благословению архиепископа Рязанского и Муромского Моисея было написано «сказание».

Изучение текста повести в полном объеме позволяет и относительно точно определить время написания ее поздней редакции (в литературе обычно указывается на начало¹⁰⁵ или первую половину XVII в.¹⁰⁶ как на время создания повести): Моисей был архиепископом Рязани и Мурома с 10 января 1638 г. по 15 февраля 1651 г.;¹⁰⁷ очевидно, что в этот отрезок времени и было написано «Сказание».¹⁰⁸

Процесс разрушения старой агиографической формы своеобразно и сильно проявился в «Повести о Тверском Отроче монастыре», созданной в самом конце XVII—начале XVIII в. Интерес к человеческой личности и романтическая фабула повести, народно-поэтическая основа многих ее образов значительно удаляют повесть от назидательной легенды об основании монастыря.

¹⁰⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 55—57 и 58—59. I вариант переиздан Н. К. Гудзием в «Хрестоматии» (изд. 5-е. М., 1952, стр. 359—362).

¹⁰¹ Отрывок из сборника XVIII в. с лицевыми изображениями [изд. ОЛДП, СПб., 1877, лл. тип об.—тча (ПДП, XV)] (воспроизведены литографическими чернилами 10 статей из сборника П. П. Вяземского, in folio, № XVI).

¹⁰² Русская повесть XVII в., стр. 48—53.

¹⁰³ Пересказ его и отрывки приведены в статье Ф. Буслаева «Идеальные женские характеры древней Руси» (Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 246).

¹⁰⁴ БАН, 17.9.15 (Осн. 192), т. 1 об.

¹⁰⁵ Н. К. Гудзий. Сказание о явлении Унженского креста. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 358.

¹⁰⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Марфе и Марии. — В кн.: Русская повесть XVII в., стр. 361.

¹⁰⁷ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 415.

¹⁰⁸ Возможно, что изучение всей рукописной традиции повести сообщит дополнительные сведения о личности ее автора. В описании одной из рукописей В. М. Ундольского (№ 411), содержащей повесть, Викторов отметил: «Соч. Каллистрата Осорьина» (А. Викторов. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стлб. 284). Однако просмотр списка (рукопись была любезно осмотрена для нас Е. И. Скоп) показал, что в заглавии повести сведений об авторе нет, но имеется приписка, сделанная карандашом почерком XIX в., об авторстве: «Кар(па?) Осорьина». Некоторые места списка (лл. 1—15) отмечены карандашом, причем таким образом, что

Повесть привлекла большое внимание писателей,¹⁰⁹ но не заинтересовала исследователей и издавалась лишь в популярных и учебных изданиях. Впервые изданная в «Тверских губернских ведомостях» в 1865 г. (по неизвестной рукописи),¹¹⁰ она была издана по другому списку в 1947 г. Н. К. Гудзием,¹¹¹ а в 1954 г. — М. О. Скрипилем.¹¹²

Кроме трех опубликованных списков, известны еще пять (три из них кратко охарактеризованы В. Ф. Ржигой,¹¹³ два указаны И. Ф. Голубевым¹¹⁴).

О необходимости издания местных легенд и сказаний, в частности «Повести о Тверском Отроче монастыре», писал еще И. С. Некрасов в работе «О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии». Там же он поместил пересказ повести по изданию «Тверских губернских ведомостей».¹¹⁵ Однако до сих пор не существует научного издания повести, учитывающего все ее списки.

К этой же группе повестей, частично связанных с агиографическим стилем повествования, но преодолевающих традиционную схему, относятся «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть об Улиянии Осорбиной». Тексты «Повести о Савве Грудцыне» неоднократно издавались по 1—2 спискам,¹¹⁶ есть и критическое издание ее, выполненное М. О. Скрипилем на основе текстологического исследования.¹¹⁷

Обращение к литературной истории повести и восстановление ее архаичности дали возможность М. О. Скрипилю по-новому поставить ряд вопросов ее изучения и прежде всего вопрос о ее жанре, который в противовес точке зрения А. Веселовского, видевшего в повести традиционный рассказ о чуде Казанской богородицы,¹¹⁸ определяется исследователем (вслед за А. Н. Пыпиным) как «первая попытка романа ... на русской национальной почве».¹¹⁹

Несмотря на наличие обстоятельного труда М. О. Скрипиля, значительно продвинувшего вперед изучение повести, текстологическое изучение ее не может считаться законченным, так как далеко не все списки привлечены к исследованию и некоторые приемы издания вызывают возражения.

М. О. Скрипилю было известно 80 списков повести, привлечено к изучению — 65.¹²⁰ А. А. Назаревский дополнительно сообщает сведения еще

создается впечатление сверки этого списка с другим; может быть, имя было внесено в заглавие в результате этой сверки.

¹⁰⁹ О знакомстве с повестью многих русских писателей, начиная с Н. М. Карамзина, и о ее многочисленных переделках в течение XIX—XX вв. см. в статье: В. Ф. Ржига. Из истории повести. — Известия Тверского педагогического института, вып. IV, Тверь, 1928, стр. 111—116.

¹¹⁰ Тверские губернские ведомости, 1865, № 36 (4 сентября), ч. неоф., стр. 200—205.

¹¹¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 4-е. М., 1947, стр. 390—397.

¹¹² Русская повесть XVII в., стр. 116—125.

¹¹³ В. Ф. Ржига. Из истории повести, стр. 99.

¹¹⁴ И. Ф. Голубев. Собрание рукописных книг г. Калинин. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 446 (№ 86) и 458 (№ 4).

¹¹⁵ И. С. Некрасов. О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии. Изд. ОЛДП, СПб., 1892 (ПДПИ, LXXXVII), стр. 31—32.

¹¹⁶ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 281—282.

¹¹⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 225—308.

¹¹⁸ А. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I, отд. I. Изд. 3-е. СПб., 1894, стр. 485.

¹¹⁹ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 226.

¹²⁰ Там же, стр. 225, 228—233, 308. 6 списков М. О. Скрипиля не использовал по неизвестным причинам, 9 указал ему В. И. Малышев уже во время печатания статьи.

о 6 списках повести,¹²¹ отрывок ее имеется в собрании Калининского областного архива.¹²² Таким образом, в текстологическом исследовании нуждаются еще 22 списка, и, по-видимому, поиски новых списков надо продолжать.

При издании текстов М. О. Скрипиль приводил разночтения только «по наиболее исправным или интересным своими оригинальными чертами спискам».¹²³ Руководствуясь этим принципом, он оставил за пределами издания довольно большое число списков — 27 из 65, из которых далеко не все дают ошибочные или повторяющиеся чтения. По-видимому М. О. Скрипиль сам иногда ощущал неправильность своего критерия отбора списков, ибо в примечаниях к изданию ему пришлось указать добавления к основному тексту 2-го варианта I редакции из неизданного списка (ОИДР, № 223), которые, по его же словам, «представляют некоторый литературный интерес».¹²⁴

Место и роль в истории текста повести этих 27 списков трудно оценить, так как в археографическом обзоре М. О. Скрипиля не всегда дается характеристика списков повести и не всегда есть указания на их взаимоотношения. Исследователь в большинстве случаев ограничивался лишь распределением списков по редакциям и вариантам (причем в статье отсутствует и характеристика самих вариантов I редакции повести). Такой подход к археографическому обзору таит опасность субъективизма в оценке значения того или иного списка и почти целиком лишает читателя возможности критического восприятия выводов ученого.

Это же привело к тому, что вне поля зрения М. О. Скрипиля оказался старейший датированный список повести (1715 г.). Список был указан им в археографическом перечне за № 64 [БАН, инв. 1917 (V)], отнесен к 1-му варианту I редакции и не использован в издании. А между тем именно этот список, как указал, издавая его, В. Ф. Ржига, дает чтение лучшие, чем текст «архетипа, с большим трудом восстанавливавшегося М. О. Скрипилем по десяткам списков».¹²⁵

Те же приемы М. О. Скрипиль применил при издании «Повести об Улянии Осорбиной».¹²⁶ И при всей тщательности выполненного М. О. Скрипилем издания¹²⁷ текстологическое изучение повести не закончено, так как неясны все звенья литературной истории текста.

Изучение взаимоотношения списков в их последовательном развитии позволило М. О. Скрипилю указать на существенные черты литературной истории «Повести об Улянии Осорбиной», убедило его в том, что повесть

¹²¹ Библиография А. А. Назаревского, стр. 131—133 (№№ 3, 4, 7, 11, 12, 18). Следует отметить, что в Библиографии А. А. Назаревского, дополняющей Библиографию В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, встречаются иногда сведения о рукописях, уже указанных (так, № 2 указан в Библиографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской на стр. 284 под № 23).

¹²² И. Ф. Голубев. Собрание рукописных книг г. Калининна, стр. 447, № 89.

¹²³ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты), стр. 225.

¹²⁴ Там же, стр. 307, прим. 2.

¹²⁵ В. Ф. Ржига. Повесть о Савве Грудцыне (По старейшему датированному списку). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Отв. ред. В. Д. Кузьмина. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 313.

¹²⁶ М. О. Скрипиль. Повесть об Улянии Осорбиной, стр. 271—323. Издание М. О. Скрипиля является первым научным изданием текстов повести (по этому изданию повесть переиздана: Русская повесть XVII в., стр. 39—47). Ранее «Повесть об Улянии Осорбиной» была издана в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 63—67).

¹²⁷ Из известных ему 30 списков М. О. Скрипиль использовал 27, издал разночтения 22. Можем указать еще один список повести в собрании Псковского областного краеведческого музея, № 128 (В. И. Малышев. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — ТОДРА, т. XI М.—Л., 1953, стр. 476).

была задумана и выполнена как биография с элементами семейной хроники, «агиографические черты в ней — невольная дань традиции».¹²⁸

Однако сообщая о результатах своего изучения повести, М. О. Скрипилю не включил в исследование сам текстологический анализ, поэтому не всегда ясен путь, каким он пришел к этим выводам, неясны все этапы «жизни» текста. В издании отсутствует характеристика списков повести, неясны их взаимоотношения. Характеризуя обе редакции повести, М. О. Скрипилю не исследует и даже не указывает различия между вариантами II редакции. Выбор основных списков для издания редакций и вариантов никак не мотивирован. Так же остается неясным, в каких случаях М. О. Скрипилю считал возможным не приводить разночтения. В археографическом перечне списков он иногда пометал: «список подобен» (такому-то). Но в одних случаях он приводил разночтения, а в других — нет.¹²⁹ Ясно, что большая работа, начатая М. О. Скрипилю, нуждается в продолжении.

Особую группу среди повествовательных произведений XVII в. составляют памятники, связанные с традициями учительной литературы и посвященные разработке вопросов морали.

К поучениям и словам о «злых женах» близка, как указывал еще А. Н. Пыпин,¹³⁰ «Беседа отца с сыном о женской злобе». А. Н. Пыпин определил и жанровое своеобразие памятника: «Беседа» представляет собой «соединение поучения и повести», где «традиционные наставления подтверждаются рассказами».¹³¹

«Беседа» написана незаурядным мастером слова. Его характеристики ярки и лаконичны, каждый из небольших рассказов «отца» является по сути дела зачатком особой повести. Созданная в привычной форме учительной литературы — в форме диалога, прения, — «Беседа» поражает остротой противопоставления двух различных взглядов на женщину, двух мировоззрений: традиционного отношения книжника, культивировавшегося церковной литературой, и отношения человека XVII в., выходящего из-под власти церковного мировоззрения.

«Беседа» относится к числу обойденных вниманием исследователей повестей XVII в. Изданы только два списка «Беседы» (из известных 94¹³²), и нет ни одного специального исследования, посвященного ей. Многие вопросы, связанные с «Беседой», неясны, даже кардинальные: является «Беседа» русским сочинением (точка зрения А. Н. Пыпина) или это обработка западной статьи,¹³³ каковы ее источники, связь с поздней апокрифической литературой (так, например, рассказ о суде Соломона встречается в большом количестве списков отдельно). Все эти вопросы могут быть решены только после текстологического исследования памятника, после того как будет выяснена литературная история текста.

Та же проблема отношения к женщине лежит в основе «Сказания о молодце и девице» и «Сказания о старом муже и молодой девице». Од-

¹²⁸ Там же, стр. 257, ср.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 322—323.

¹²⁹ Ср. № 23 и № 27 перечня М. О. Скрипилю.

¹³⁰ А. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 271.

¹³¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 539.

¹³² Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской указывает 61 неизданный список (стр. 263—267), Библиография А. А. Назаревского (стр. 49—51) — 31 [№ 22 и № 23 его Библиографии, по-видимому, представляют собой один список — начало и конец «Беседы», как об этом можно судить по «Описанию Рукописного отделения Библиотеки АН СССР» (т. IV, вып. 1. Л., 1951, стр. 471)].

¹³³ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 442.

нако эти памятники являются светскими произведениями, разрабатывают новую для XVII в. любовную тему, широко привлекая народно-поэтическую символику. По стилю они, особенно «Сказание о старом муже и молодой девице» во II редакции, иногда приближаются к произведениям сатирической литературы (использованием прибауточной рифмованной речи, бранных выражений), что, вероятно, объясняется влиянием образов и выражений городского фольклора.

«Сказание о молодце и девице» дошло только в пяти списках (один дефектный), и все они по отдельности изданы.¹³⁴ Но соотношение списков не выяснено, и текстологическое исследование «Сказания» отсутствует. А для этой повести оно имеет особое значение, так как каждый список по существу является особой редакцией, так велики их отличия друг от друга. М. О. Скрипиль указывает,¹³⁵ что сохранившиеся списки только в своей совокупности дают более или менее точное представление о фабуле «Сказания» и о составе стилистических формул. Характерная черта литературной истории повести — «ряд крупных отличий в составе и количестве стилистических формул, в приемах раскрытия сюжета при постоянстве его».¹³⁶

Без исследования литературной истории повести невозможно ответить на ряд вопросов, возникающих при ее изучении, прежде всего на вопрос об истории ее создания: является повесть обработкой народно-поэтического произведения (М. О. Скрипиль связывает с фольклором язык и стиль «Сказания» и отчасти композицию, указывая, что «любовный диалог» — нередкая форма народных песен¹³⁷) или это «продукт личного творчества автора ... овладевшего стилем фольклорных произведений»?¹³⁸

С решением этого вопроса связана и другая проблема: только ли фольклору обязаны оба «Сказания» использованием диалога? Нельзя ли наблюдать в этих памятниках своеобразного преломления традиций учительной литературы? Авторы «Сказаний» сохраняют отчасти традиционные представления о характере своей героини: именно к ней как нельзя лучше подходит одна из характеристик «злой жены», данная в «Беседе отца с сыном»: «Имеет язык яко бритву изощрену».¹³⁹ Диалог — «прение» является одной из распространенных форм и учительной литературы.

Текстологическое исследование поможет окончательно решить вопрос об оригинальности «Сказания о молодце и девице» (А. В. Марков и А. А. Назаревский высказывались против русского происхождения повести¹⁴⁰) и о времени его создания (вопрос, поставленный Х. Лопаревым: является «Сказание» памятником XVII в., использовавшим старый лекси-

¹³⁴ См.: Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 279. Отрывки из повести по списку ГПБ, Q.XV. № 107 изданы в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1896 г.» (СПб., 1900, стр. 171—173). Относительно списка Забелина, № 299, указанного в Библиографии А. А. Назаревского, сообщается, что это не повесть, а интермедия XVIII в. (Библиография А. А. Назаревского, стр. 16). Любопытно, что в рукописной традиции «Сказание» связывается со «Сказанием о старом муже и молодой девице» (рукопись БАН, 33.4.32) и «Беседой отца с сыном» (рукопись ГПБ, ОЛДП. Q № ССХХХII).

¹³⁵ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 230—233.

¹³⁶ Там же, стр. 233.

¹³⁷ Там же, стр. 232.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 463.

¹⁴⁰ См.: А. В. Марков. К вопросу о национализации иноземных поэтических сюжетов (Сказание о молодце и о девице). — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, стр. 167—168; В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. Киев, 1912, стр. 6 (резюме доклада А. А. Назаревского).

ческий материал, или памятником XV в., подвергшимся обработке и переработке в XVIII в.¹⁴¹).

«Сказание о молодце и девице» оказало влияние на некоторые списки «Сказания о старом муже и молодой девице» (на II редакцию, по классификации А. А. Назаревского¹⁴²). Поэтому изучение литературной истории текста «Сказания о старом муже» должно быть тесно связано с изучением «Сказания о молодце». 3 списка «Сказания» были изданы и переиздавались.¹⁴³ Еще 6 списков находятся в рукописях.¹⁴⁴

Путь русской повести XVII в. к освобождению от старой литературной традиции (что вызывалось новыми потребностями духовной жизни общества) в значительной степени был связан с использованием художественной системы устного народного творчества. От XVII в. сохранились записи некоторых фольклорных произведений (лирических и эпических), и на фольклорной основе был создан ряд повестей. К ним в первую очередь относится «Сказание о киевских богатырях», которое также должно быть названо среди памятников, не изученных в текстологическом отношении.

«Сказание о киевских богатырях» после первой публикации в 1860 г.¹⁴⁵ не сразу привлекло внимание исследователей. Первые работы, посвященные ему, появились только после издания Е. В. Барсовым в 1881 г. «Сказания» по новому (старейшему) списку.¹⁴⁶

«Сказание» вызвало противоположные суждения о своем происхождении и времени создания. Е. В. Барсов считал его былинной, а А. Веселовский полагал, что «Сказание» восходит к «древней песенной былинне» и даже «сохранило более древнюю форму песни», чем былины об Алеше Поповиче и Тугарине и об Илье Муромце и Идолище.¹⁴⁷ В. Миллер видел в памятнике книжное произведение, созданное на основе этих двух былин в XVI в. после покорения Иваном Грозным Казани.¹⁴⁸ Вопрос о том, былинной или повестью является «Сказание о киевских богатырях», до сих пор не решен. А. П. Евгеньева разделяет точку зрения сторонников устно-поэтического происхождения «Сказания»,¹⁴⁹ А. В. Позднеев и другие — книжного.¹⁵⁰

Сравнительное изучение списков «Сказания» было начато А. В. Позднеевым, но он располагал лишь тремя списками его (третий, новый список

¹⁴¹ Х. Лопарев. Сказание о молодце и о девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. Изд. ОЛДП, СПб., 1894, стр. 7 (ПДПИ, ХСІХ).

¹⁴² В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г., стр. 6.

¹⁴³ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 280.

¹⁴⁴ Там же, стр. 280—281. Список Орловского церковно-археологического музея, № 28 — «не повесть, а выписка из рифмованных фаянцев» (Библиография А. А. Назаревского, стр. 16, 149—150).

¹⁴⁵ Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 311—315.

¹⁴⁶ Богатырское слово в списке начала XVII века, открытое Е. В. Барсовым. Приложение к XL тому «Записок Академии наук» (№ 5, СПб., 1881).

¹⁴⁷ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, Х. Алексей Попович и Тугарин — Илья Муромец и Идолище. — СОРЯС, т. 36, № 3, СПб., 1884, стр. 357—368.

¹⁴⁸ В. Миллер. Илья Муромец и Алеша Попович. Очерки русской народной словесности. Былины, т. II, М., 1910, стр. 120—153.

¹⁴⁹ А. П. Евгеньева. «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей училили себя честь» по списку XVII века. Заметки о языке и стиле. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 108—128.

¹⁵⁰ А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. — В кн.: Старинная русская повесть. Под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 135—189; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1956, стр. 344—345; см. также: История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 345 (автор раздела И. П. Еремин).

был опубликован им в приложении к статье) и исследовал только сюжетные отличия, оставляя в стороне анализ всех отличий текста.

В настоящее время необходимость текстологического изучения «Сказания» стала еще ощутимей, так как были изданы 2 новых списка.¹⁵¹

Плодотворность текстологического исследования для определения происхождения тех или иных произведений из «богатырского дикла» проверена исследователями на конкретном материале. Так, например, изучение «Повестей», «Сказаний» и «Историй» об Илье Муромце В. В. Митрофановой¹⁵² показало, что «природа их, характер их взаимоотношений с былинами . . . и происхождение не являются совершенно одинаковыми: среди них есть и записи былин, и пересказы, и литературные повести».¹⁵³ Исследователю удалось выделить литературные произведения из этой группы памятников, наметить пути и методы изучения, применимые к другим богатырским повестям. Исследование еще не изученных текстов произведений о Михаиле Потоке, Ставре, Иване Годиновиче и других является настоящей задачей науки, оно позволит более глубоко понять связи между литературой и фольклором в XVII в.

С устнопоэтической традицией связана «Повесть о Еруслане Лазаревиче». Ряд нерешенных вопросов в изучении ее также упирается в текстологическое исследование. До сих пор неясно, в какой мере повесть является русской обработкой иноземного оригинала и каковы ее источники и связи с фольклором.

В. В. Стасов связывал происхождение повести с восточными поэмами и песнями, в особенности с персидской поэмой «Шах-Наме»;¹⁵⁴ Е. В. Барсов усматривал в ней черты греческого оригинала,¹⁵⁵ В. Ф. Миллер — тюркское влияние,¹⁵⁶ Г. Н. Потанин возводил ее к ордынским вариантам поэмы.¹⁵⁷ О. Миллер, признавая восточную основу сюжета повести, указывал на черты европейских преданий.¹⁵⁸ А. С. Орлов отметил устный путь перехода повести с Востока и указал на посредническую роль казачества в ее усвоении. Фольклорность повести отмечалась многими исследователями. А. С. Орлов поставил вопрос об обратном влиянии повести на устную поэзию, главным образом через посредство лубка.¹⁵⁹

¹⁵¹ А. Н. Пушкирев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 361—365; В. И. Малышев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 387—390.

¹⁵² В. В. Митрофанова. 1) К вопросу о редакциях былин старинных русских записей. — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., 1957, стр. 286—313. 2) Былины об Илье Муромце в рукописях XVII—XVIII веков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1960, 18 стр. 3) «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской» группы. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 87—100. См. также: В. И. Малышев. Повесть о Сухане; А. М. Астахова, В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков. — В кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 7—75.

¹⁵³ В. В. Митрофанова. «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской» группы, стр. 87.

¹⁵⁴ В. Стасов. Происхождение русских былин. — Вестник Европы, 1868, № 1, стр. 174—208.

¹⁵⁵ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 422.

¹⁵⁶ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 152—171.

¹⁵⁷ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 286—347.

¹⁵⁸ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869, стр. 44, 47.

¹⁵⁹ А. С. Орлов. 1) Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 77—85. 2) Повесть о Еруслане Лазаревиче. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 113—117.

Весь этот круг вопросов не может быть окончательно решен, все суждения исследователей в большей или меньшей степени останутся гипотезами до тех пор, пока не будет изучена история текста повести. Существуют издания лишь трех списков ее, предпринятые свыше 100 лет назад,¹⁶⁰ а списков повести довольно много (только библиографии указывают более 20¹⁶¹). Не выяснены редакции и варианты повести, неизвестно, какие списки наиболее близки к оригиналу, не установлена текстологическая зависимость между повестью, лубочным текстом ее и устными вариантами сказок.

Парадоксально, что повесть, сюжет которой с детства известен почти каждому, повесть, близкая к народной сказке, давшая материал для пушкинского «Руслана и Людмилы»¹⁶² и многих литературных обработок начиная с XVIII в., не имеет научного издания.

Среди изданий повестей XVII в. издание текста Повести о Горе-Злочастии представляет собой особую проблему, так как повесть дошла в единственном списке. Повесть издавалась несколько раз,¹⁶³ лучшим считается издание П. К. Симони.¹⁶⁴ Особую ценность его составляет фототипическое воспроизведение рукописи, однако сопровождающее фототипию наборное издание текста содержит много непоследовательностей в передаче особенностей его написания (например, в употреблении прописных букв и в разделении текста на слова).

Ввиду того что Повесть о Горе-Злочастии сохранилась в одном списке, при изучении ее текста большое значение приобретает проблема источников и параллелей.

В новейшем обзоре работ, посвященных повести, замечено: «Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями».¹⁶⁵ И все-таки, несмотря на многочисленность заметок, статей и исследований автор обзора приходит к выводу, что «вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке», а «что касается книжных связей, то они остаются очень неясными».¹⁶⁶ В обзоре намечается одна из задач изучения повести — выяснение книжных заимствований.¹⁶⁷

С Повестью о Горе-Злочастии связан целый круг древнерусских произведений,¹⁶⁸ среди которых видное место занимают Сказания о пьянстве.

¹⁶⁰ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 143—144.

¹⁶¹ В Библиографии А. А. Назаревского отмечен список (стр. 99, № 4), уже указанный в Библиографии В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (стр. 145, № 14).

¹⁶² П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине. Руслан и Людмила. — Сборник «Памяти А. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 509—514.

¹⁶³ См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии (Библиография). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 628—630.

¹⁶⁴ П. К. Симони. «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — СОРЯС, т. LXXXIII, № 1. СПб., 1907, стр. 1—88.

¹⁶⁵ В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 626.

¹⁶⁶ Там же, стр. 627.

¹⁶⁷ Там же, стр. 628.

¹⁶⁸ В различных работах указывалось на сходство повести со Сказанием о Тихвинской иконе богородицы, Сказаниями о пьянстве, поучениями, со словами о женах (Ф. И. Буслаев), о связи с преданиями о хмеле (А. Н. Веселовский), приводились примеры заимствований из Скитского патерика (В. С. Преображенский), повесть сравнивалась с «Прением живота и смерти» (А. В. Марков), в качестве параллелей были указаны украинские вирши «о блудном сыне» (В. Н. Перетц) и стихи «покаянные» о пьянстве (В. И. Малышев). См.: В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии.

Работы Ф. Буслаева¹⁶⁹ и А. Н. Веселовского¹⁷⁰ выяснили ряд сходных мест повести и сказаний и установили общность некоторых мотивов. Однако, думается, что значение мотива пьянства в идее повести было несколько ими преувеличено (ср. «В непосредственной связи с разобранными сказаниями стоит главная идея стихотворной... „Повести о Горе и Злочастии“»¹⁷¹). Но в разработке отдельных эпизодов повести и сказаний сходство несомненно. Позволим себе привести один пример такого сходства.

В «Притче о хмеле» читается похвальба Хмеля: «... аще учнет меня держатца которой гость или купец, всяк торговой человек, и аз сотворю его безумна и живот свой весь растерзает и пропьет и будет ходить во вечаной ризе и во изодранных сабозех и станет себе заимывать у которого господина, и ему никто не даст и (не) поверит, и не дадут, видя его пьянство, и род и племя от него отступятца».¹⁷²

Облик жертвы Хмеля, происходящей из торгового сословия, напоминает «доброего молодца» после его пробуждения в кабаке: «вечаной ризе» «Притчи» соответствует в Повести «гунька кабацкая», «изодранным» сапогам — «лапотки-отопочки»; сходно и то положение, в которое попали оба героя: «как станет себе заимывать... и ему никто не даст и (не) поверит и не дадут» («Притча») — «не стало не друга, не подруга... все дружи прочь отпираются!» (Повесть). Есть в этих отрывках и текстуальная близость: «род и племя от него отступятца» — «род и племя отчитаются».¹⁷³

Подобная близость отдельных произведений из цикла Сказаний о пьянстве и повести делает очень важным их текстологическое исследование, изучение истории текстов.

Сказания о пьянстве и хмеле имеют и самостоятельную художественную ценность. Их значение определяется своеобразным развитием литературных традиций. Вырастая из учительной литературы, сказания испытали воздействие устного творчества, может быть, на самой ранней стадии своего возникновения. И результатом своеобразного синтеза явился образ Хмеля, тяготеющий к «пьянственному бесу», с одной стороны, а с другой — к образу Горя-Злочастия (на что указывал еще А. Н. Веселовский¹⁷⁴). Двойственна и речь Хмеля: она поучение и похвальба одновременно.

Для изучения Сказаний о пьянстве и хмеле надо прежде всего четко разграничить тексты отдельных произведений (например, «Повести о высокоумном хмеле» и «Притчи о хмеле»), установить их соотношение и зависимость друг от друга (например, двух вышеуказанных сочинений и

¹⁶⁹ Ф. Буслаев. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, стр. 548—643.

¹⁷⁰ А. Н. Веселовский. 1) *Altslavische Kreuz- und Rebensagen*. — *Russische Revue (Monatsschrift für die Kunde Russlands)*, 1878 Bd. XIII, стр. 144—149; 2) Памятники литературы повествовательной, стр. 474—480; 3) Разыскания в области русского духовного стиха. — *СОРЯС*, т. XLVI, № 6, СПб., 1889, стр. 249—260.

¹⁷¹ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 474.

¹⁷² Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 448. Сходная параллель из «Повести о высокоумном хмеле» приводится в статье В. Д. Кузьминой «Изучение русских повестей XVII века в VIII классе» (*Литература в школе*, 1939, № 5, стр. 46).

¹⁷³ «Повесть о Горе-Злочастии» цит. по: Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 3.

¹⁷⁴ A. Wesselofsky. *Altslavische Kreuz- und Rebensagen*, стр. 144—149; Разыскания в области русского духовного стиха, стр. 256.

«Слова Кирилла философа»), определить время создания различных частей этого цикла.¹⁷⁵

Общее количество списков Сказаний о пьянстве очень велико. Библиографии древнерусской повести указывают 48 списков «Повести о происхождении винокурения»,¹⁷⁶ около 40 списков «Повести» и «Притчи» о хмеле, свыше 30 списков других произведений цикла.¹⁷⁷ Издания Сказаний очень малочисленны,¹⁷⁸ выполнены по отдельным случайным спискам. Некоторые произведения вообще не изданы и находятся в рукописях: «Повесть о высокоумном хмеле» («Бе некий человек, невоздержно пиянственное питие пияше...»), «Слово Кирилла Философа» и др.

Изучение рукописей может значительно изменить наши представления о текстах сказаний. Так, в Усть-Цилемском собрании рукописей (ИРЛИ) имеется вариант «Притчи о хмелю» («от старчества»), значительно отличающийся от изданного в «Памятниках».¹⁷⁹ В БАН существует рукопись (середины XVII в.) с «Повестью о высокоумном хмеле» (Тек. пост., 613)¹⁸⁰ с полностью сохранившимся вступлением и заключением, еще не известными в науке.

Повесть была пересказана Ф. И. Буслаевым (с изданием отрывков) по рукописи Московского архива Министерства иностранных дел, № 250,¹⁸¹ где она обрамлена небольшим предисловием и заключением, показавшимся Буслаеву «наивным», так как оно содержит советы и увещания автора относительно потребления вина, следующие непосредственно за «разоблачением» Хмеля и покаянием героя повести. Из небольшого предисловия явствует, как считал Буслаев, что повесть «должна была служить напутственным наставлением вообще от старшего... молодому, вступающему на поприще жизни. Вручающий кому-либо эту повесть должен был

¹⁷⁵ Отсутствие ясности в этом вопросе сказалось на библиографии Сказаний, составленной А. А. Назаревским. Под одним и тем же названием «Слово (повесть) о высокоумном хмеле» А. А. Назаревский помещает разные произведения: «Повесть», «Притчу о хмеле» (стр. 140, № 18) и «Слово Кирилла философа», произведение XV в. (стр. 140, №№ 13—15, 20), и др.

¹⁷⁶ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 251—253; Библиография А. А. Назаревского, стр. 136—139 (за исключением №№ 4 и 13, как не относящихся к повести).

¹⁷⁷ А. А. Назаревский обратил внимание на то, что в Библиографию В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской ошибочно попала глава из Великого Зеркала «о пьянице, продавшем душу бесу» (стр. 16). Список произведений о пьянстве можно дополнить так называемой «Легендой о ляхе и пресвитере» [издана в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. 1, стр. 140)], русским сочинением начала XVII в., включенным в «Звезду пресветлую» (И. И. Огиенко. Краткое содержание чудес «Звезды пресветлой». — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912, стр. 170).

¹⁷⁸ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 251—252. Дополнительно к сведениям Библиографии можно указать на издание Б. А. Лариним нескольких слов о пьянстве: «Слово Василия Великого о пьяных человедех» (нач.: «Рече святая богородица к Великому Василию...»); Слово о пьянстве (нач.: «Соломан рече...»); Слово о пьянстве (нач.: «Беседует Анахирис философ сице...») (см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 г., стр. 113—114) и «Слово апостола Павла о упивающихся» (см.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария по русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г., стр. 138—139). «Азбука писана о хмелю» издана: В. В. Попов. Азбука о хмеле. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XVII, вып. 5—6, 1901, стр. 349—361.

¹⁷⁹ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 129 (№ 85).

¹⁸⁰ В «Описании Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 136) ошибочно указан шифр: «Тек. пост., 619».

¹⁸¹ Ф. Буслаев. Повесть о Горе и Злочасти, стр. 564.

вставить вместо имя рек, свое имя или имя своего клиента».¹⁸² Знакомство с рукописью БАН (Тек. пост., 613) показывает, что «предисловие», известное Буслаеву, есть не что иное, как значительное сокращение (с устранением имен) подлинного вступления к повести, представляющего собой послание инока Матфея к иноку Моисею, «духовному брату», с увещанием прекратить пьянство. Послание направлено из Усть-Шексны в Троицкой монастырь «Вологодские страны» по просьбе Моисея, который нуждался в поддержке, и, помимо назидания, содержит любопытный материал для представления о борьбе монахов в первой половине XVII в. с «пиянственным змием». Рассказав «притчу» о пьянице и хмеле, Матфей продолжает свое послание (оно, таким образом, обрамляет «притчу», и все сочинение носит общее заглавие: «Послание к некоему иноку о хмелю»). После значительного сокращения этой заключительной части послания и образовалось «заключение» повести в списке Архива Министерства иностранных дел, справедливо охарактеризованное Ф. И. Буслаевым как наивное («к нравучительной» повести были присоединены частные советы «духовному брату» о мере потребления вина, способах протрезвления, и т. п.). Из сопоставления списка БАН с изданным Ф. И. Буслаевым вытекает следующее.

1. Список, известный Ф. И. Буслаеву (Архив Министерства иностранных дел, № 250), безусловно восходит к списку БАН (Тек. пост., 613) (может быть, не прямо) и представляет следующий этап «жизни» текста.

2. Либо «Повесть о высокоумном хмеле» была лишь включена Матфеем в его послание «кир Моисею» (в этом случае наблюдается любопытный пример бытования повести), либо Матфей был причтен к авторству (или обработке) ее. Ответ на этот вопрос может дать изучение повести по всем спискам. Во всяком случае «Послание к некоему иноку о хмелю» представляет большой историко-литературный интерес, ибо напоминает о традиции Киево-Печерского патерика, переписке Симона и Поликарпа.

Изучение литературной истории цикла Сказаний о пьянстве поможет в решении вопросов о связи их с апокрифической литературой и о последующем использовании цикла в старообрядческой рукописной традиции.

К «Сказаниям о пьянстве» (и прежде всего к «Повести о происхождении винокурения») приближается по некоторым особенностям «Сказание о происхождении табака», распространенное в основном в старообрядческой среде, а в XVIII в. традицию этих нравучительных сказаний-легенд развивают повести о картофеле.

Историко-литературное значение «Сказания о происхождении табака» усиливается его связью со сказаниями о Красноборских чудесах, записанными в 1641 г.,¹⁸³ одно из которых, присоединенное к тексту повести о табаке, напомнило А. Н. Веселовскому распространенный в народе апокриф — «эпистолию о неделе».¹⁸⁴ Неизвестно, на каком этапе литературной истории и Сказания о происхождении табака произошло это присоединение, так как текстологическое исследование сказания отсутствует. Сказание и несколько других сочинений этого цикла издавались несколько раз по отдельным спискам.¹⁸⁵ Так же, как и в случае со Сказаниями о пьян-

¹⁸² Там же.

¹⁸³ А. С. Орлов. Народные предания о святынях русского севера. — ЧОИДР, 1913, кн. 1, отд. III, стр. 47—50.

¹⁸⁴ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 462—465.

¹⁸⁵ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 291—292; Библиография А. А. Назаревского, стр. 153—154.

стве, обстоит дело с разграничением текстов различных повестей: не существует даже точной классификации произведений.

Совершенно новым явлением в литературе XVII в. было развитие жанра сатирической повести. Возникли новые приемы литературной характеристики, связанные с широким использованием фольклорных средств и пародированием или стилизацией форм деловой письменности. В содержании произведений появились элементы социального протеста, происходило не только полное освобождение от церковного мировоззрения, но развивалось и религиозное вольномыслие («Повесть о куре и лисице», «Служба кабаку», «Повесть о попе Саве», «Повесть о крестьянском сыне»).

Сатирические повести XVII в. явились предметом специального и тщательного текстологического и историко-литературного исследования В. П. Адриановой-Перетц,¹⁸⁶ на основе которого было подготовлено их издание.¹⁸⁷

Однако не все повести исследованы с одинаковой полнотой. Некоторые из них имеют неполный текстологический комментарий («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Фоме и Ереме»). По-видимому, в особом исследовании нуждаются «Повесть о бражнике» и «Повесть о крестьянском сыне».

«Повесть о бражнике» издавалась несколько раз (не считая переизданий) по отдельным спискам,¹⁸⁸ в «Русской демократической сатире» она издана по 2 из известных 39.¹⁸⁹ В комментарии к повести отмечена разновидность списков, в текст которых вводится дополнительный эпизод — спор бражника со святым «Николою», заостряющий антиклерикальную направленность сатиры,¹⁹⁰ но остается неизвестным, исчерпывается ли число списков этой разновидности приведенными примерами, неясна также характеристика и генеалогия всех списков.

«Повесть о крестьянском сыне» по динамике изменения текста напоминает «Сказание о молодце и девице»: почти каждый список ее является самостоятельным вариантом, содержит разное количество эпизодов. Эта особенность литературной истории повести, связывающая памятник с фольклорными традициями, делает особенно существенным вопрос об изучении соотношения всех ее списков (из 7 известных списков повести 4 остаются неизданными¹⁹¹). Текстологическое исследование даст дополнительный материал и для окончательного уточнения датировки повести,¹⁹² что чрезвычайно важно для понимания идеи этого памятника и его места в сатирической литературе XVII—XVIII вв.

Возникновение жанра сатиры было ярким проявлением нового этапа в литературном процессе XVII в. — этапа утверждения светской повести. Параллельно и во взаимодействии с этим процессом национальной литера-

¹⁸⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.

¹⁸⁷ Русская демократическая сатира XVII века.

¹⁸⁸ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 246—247; В. П. Адрианова-Перетц. Из истории текста антиклерикальных сатир («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 497—499.

¹⁸⁹ Русская демократическая сатира, стр. 210—213.

¹⁹⁰ Там же, стр. 210—211.

¹⁹¹ В дополнение к данным библиографий по древнерусской повести еще один список указывается в книге М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века» (Материалы для истории русской литературы XVIII века) (Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 72).

¹⁹² М. Н. Сперанский (Рукописные сборники XVIII века) полагал, что повесть является созданием XVIII века (стр. 72).

туры шло энергичное усвоение светской переводной беллетристики — западной рыцарской повести и фацеций.

На почве этого общего процесса «обмирщения» литературы, происшедшего при активном участии городских слоев населения, на рубеже XVII—XVIII вв. была создана «Повесть о Фроле Скобееве», главный герой которой был похож и на персонажей переводной «плутовской» новеллы и чем-то напоминал «плута» и «ябедника» Ерша Ершовича.

Текст повести, неоднократно публиковавшийся,¹⁹³ был издан В. Ф. Покровской на основании текстологического исследования.¹⁹⁴ Но критическое издание текста повести нельзя считать законченным, так как в основу издания В. Ф. Покровской был положен не лучший список. Отдав предпочтение Тихонравовскому списку, «как самому краткому и, следовательно, раннему» В. Ф. Покровская пошла за своей «рабочей гипотезой» литературной истории повести: «движение от все более краткого варианта ко все более распространенному».¹⁹⁵ Последующие исследователи повести указывали, что «не всегда более поздние редакции являются и более распространенными»,¹⁹⁶ лучшим списком повести является Погодинский, содержащий старший текст, наиболее близкий к авторскому.¹⁹⁷

Кроме того, В. Ф. Покровская не включила в издание Куприяновский список, сохранившийся лишь в издании «Москвитянина», считая его дефектным без достаточных на то оснований.¹⁹⁸

Все эти недочеты издания повести, а также публикация нового списка¹⁹⁹ ставят вопрос о новом исследовании истории текста, которое ляжет в основу изучения идейного содержания и художественного своеобразия повести.

Критерием для отбора повествовательных памятников, научное издание которых необходимо осуществить, является не только их художественная ценность, но и место в литературном процессе XVII в. Для того чтобы была, наконец, написана история древнерусской повести как жанра, и в частности был решен вопрос о развитии этого жанра в XVII в., необходимо издание всей имеющейся массы повестей, в том числе и повестей «второго порядка», иногда не отличающихся большими художественными достоинствами, но имеющими большое значение в изучении разновидностей жанра, его промежуточных форм.²⁰⁰

Укажем на некоторые неизданные памятники такого рода.

¹⁹³ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 297—298.

¹⁹⁴ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. — ТОДРА, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

¹⁹⁵ Там же, стр. 263.

¹⁹⁶ Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 512.

¹⁹⁷ М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. — Научный бюллетень ЛГУ, № 3, Л., 1945, стр. 34; И. П. Лапидский. Повесть о Фроле Скобееве. — В кн.: Русская повесть XVII века, стр. 475; Ю. К. Бегунов. Тартуский список «Повести о Фроле Скобееве». — Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 119, Труды по русской и славянской филологии, V, 1962, стр. 366.

¹⁹⁸ Ср. использование Куприяновского списка в статье Ю. К. Бегунова «Тартуский список „Повести о Фроле Скобееве“» (стр. 366—368).

¹⁹⁹ Там же, стр. 368—375.

²⁰⁰ Об отсутствии изданий повестей, составляющих «фон» и «окружение» «Повести о Фроле Скобееве», «при помощи сравнительного изучения которых могла бы получиться возможность установить хотя бы приблизительно время и место появления и социальную среду», В. Ф. Покровская высказывала сожаление еще в 1934 г. («Повесть о Фроле Скобееве», стр. 249).

Ряд неизданных повестей XVII в. продолжает развиваться в рамках агиографической традиции и в то же время отмечен чертами нового.

«Повесть Никодима типикариса о некоем брате» (середина XVII в.),²⁰¹ примыкающая к жанру «видений», незаурядна в литературном отношении. Она отличается образностью стиля, автобиографическое повествование ее отмечено вниманием к внутренним переживаниям героя.²⁰²

Неизданная «Повесть попа Иякова об обретении мощей» (1635 г.)²⁰³ занимает в жанровом отношении промежуточное положение между рассказом о «чуде от мощей» и «посольской сказкой». Повесть, которая ведется от первого лица, представляет собой описание поездки русского священника Иякова с посланником Борисом Дворяниновым в 1634 г. в Крымскую землю. Повесть, рассказывая об обретении в Крыму мощей неизвестного святого, интересна вниманием к экзотике, подробностями описаний природы и быта русских пленников.

Несколько неизданных повестей конца XVII — начала XVIII в. группируется вокруг «фаустовской» темы «Повести о Савве Грудцыне» — заключение договора с дьяволом — и своеобразно решает ее.

Из них в первую очередь следует назвать «Повесть об убогом человеке, како от дьявола произведен царем»²⁰⁴ — произведение, по-видимому, самого конца XVII в., имеющее любопытное сходство с «Повестью о Савве Грудцыне» в разработке эпизода встречи человека с дьяволом: и в той, и в другой повести эта встреча отчаявшегося героя происходит «в поле». Однако «убогий человек», став царем с помощью дьявола, в отличие от Саввы, сохраняет свободу воли, он «бысть до всех граждан милостив», и, по-видимому, хочет перехитрить дьявола перед смертью. К сожалению, повесть, очень незаурядная в литературном отношении, не имеет конца. О завершении договора с дьяволом мы узнаем из Усть-Цилемской переработки ее — «Повести о богоизбранном царе и о прелести дьяволи»,²⁰⁵ где этот же сюжет существует в несколько измененном виде (возможно, не без влияния старообрядческой литературы).

«Повесть о богоизбранном царе», сохраняя мотив свободы воли героя, подробным нравоучительным повествованием доказывает, что молитвой, покаянием, изнурением плоти и умерщвлением ее (царь, узнав о приближении смерти, велел казнить себя, а перед смертью покаялся и тем спас свою душу) можно спасти душу даже после заключения союза с дьяволом. Изменена и мотивировка заключения договора с дьяволом. Герой «Повести об убогом человеке» был «уловлен в сети» дьявола, так как был «в великой скудости» и «от гладу истомлен». В «Повести о богоизбранном царе» инициатива отношений с бесовскими силами принадлежит самому человеку — преступнику, стремящемуся выйти из темницы.

Интересный материал для дальнейшей трансформации образа «беса» в начале XVIII в. дает неизданное «Сказание о явлении великаго иерарха Николая, Мирликийскаго чудотворца, томскому гражданину Григорию», рассказывающее о событии 1702 г. В этом «Сказании» бесы являются

²⁰¹ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 27, лл. 27—49; № 56, лл. 11—25; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 86, 107.

²⁰² Исследование и издание повести готовит О. А. Белоброва.

²⁰³ ГБЛ, ф. 256 (собрание Румянцевского музея), № 363, лл. 386—393 об. См.: А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, стр. 521.

²⁰⁴ БАН, 21.11.2 (Сев., 706), лл. 168—168 об.; см. «Описание Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 383). Подготовлена нами для публикации.

²⁰⁵ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 70, лл. 95—105 об.; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 120.

в сознании бедного человека верными пособниками богатых: «О что се, како богатии богатеют, аз же един убог сий, мню, яко бесове им приносят и спомогают о собрании богатства их».²⁰⁶

До сих пор не исследована «Повесть о некоем купце», изданная В. Н. Перетцем в 1907 г. по единственному дефектному списку,²⁰⁷ развивающая тему службы беса человеку. В рукописи БАН существует неизданный отрывок в несколько строк — рассказ о договоре с дьяволом из-за девицы,²⁰⁸ возможно восходящий к этой повести.

Все эти произведения представляют несомненный историко-литературный интерес для изучения «Повести о Савве Грудцыне». Важно уяснить, в какой степени они несут реминесценции повести и в какой всем этим памятникам присуща общность мирозерцания.

Исследователям ясно, что изучение повести XVII в., связанное с общими процессами развития русской литературы, очень обеднено ввиду суженного репертуара памятников повествовательной литературы, доступных для сравнения и сопоставления. Помимо так называемых «назидательных» повестей, многих «Сказаний о чудесах от икон», не издана основная масса северных житий. А ведь тот же процесс трансформации агнографической традиции происходит и в самой житийной литературе.²⁰⁹ Ограничимся лишь одним примером, так как этот вопрос выходит за рамки нашей статьи, — указанием на «Житие Диодора Юрьегорского», сложенное в середине XVII в.²¹⁰ Отдельные эпизоды его (описание приключений заблудившегося на острове монаха, встреча его с отшельником) сообщают «Житию», несмотря на архаичные формы языка, характер занимательного повествования и свидетельствуют об интересе к местному колориту.

Широкое распространение первоначальных редакций житий — «неукрашенных» биографических записок²¹¹ и автобиографических рассказов о чудесах, полных деталей быта, описаний природы, внимания к психическому состоянию героя,²¹² очень увеличивает значение произведений этого жанра в исследовании русской повести.

Выявление и издание произведений, еще находящихся в рукописях, имеет особое значение и для изучения сатирических повестей XVII в. Здесь может быть упомянута сатирическая «Повесть о дьяконове поминке

²⁰⁶ Архив Академии наук, ф. 21 (Миллера), оп. 5, № 110, лл. 3 об.—4. «Сказание» указано нам Е. К. Ромодановской, исследующей его.

²⁰⁷ В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести. — Киевские университетские известия. Киев, 1907, № 8, стр. 33—36.

²⁰⁸ БАН, 25.6.30 (Нов., 5569), л. 42 об.; см. «Описание Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 372).

²⁰⁹ В. О. Ключевский (Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 365—368 и дальше) указал на переход от жития к простой биографии в группе житий конца XVI и XVII в.

²¹⁰ О рукописях «Жития» см.: Н. Барсуков. Источники русской агнографии, табл. 144—145; см. также рукопись: ЦГАДА, ф. 199 (собрание Ф. Ф. Мазурина), № 1069, лл. 13—40. «Житие» издано в отрывках по неизвестной рукописи XVIII в. в работе К. Докучаева-Баскова «Подвижники и монастыри крайнего севера» (Христианское чтение, 1885, № 5—6, стр. 774—794). Указанием на это издание мы обязаны Ю. К. Бегунову.

²¹¹ И. Яхонтов. Жития севернорусских подвижников поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 219.

²¹² Например, в «чудесах» Варлаама Керетского под 1664 г. содержится рассказ о переживаниях мальчика во время бури на Белом море и создается несколько необычный образ самолюбивого святого, требующего поклонения. В противном случае «поношная» и «ужасная» спасенных им, Варлаам Керетский даже «хотяше. . . бить дубцы» (ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 121—122). См. также «чудеса» Иоанна и Логгина Яренгских (ГПБ, Соловецкое собрание, № 182, лл. 156 об.—157) и др.

и о кутии».²¹³ Высмеивание духовенства и «раешный» стих сближают эту повесть из сборника начала XVIII в. с «Повестью о попе Саве». Заглавие «Выписка из королевских книг» напоминает заглавие (в некоторых списках) «Повести о Шемякином суде»: «выписано из полских книг».²¹⁴ Шуточная закладная на «полторы репы» читается в одном из сборников БАН²¹⁵ и, несмотря на крайне плохую сохранность, представляет безусловный интерес для исследователей указанием даты своего составления — 1644 г. «Судное дело волка с лисицей»²¹⁶ — переделка одной из басен Эзопа, любопытно своей связью с «Повестью о Ерше Ершовиче».

О том, какое значение для истории повести вообще и сатирической в частности имеют поиски новых рукописей и сколько ценностей таится в различных архивах, свидетельствует находка в Стокгольме нового списка «Азбуки о голом и небогатом человеке», датированного 1663 г. Приписка к стокгольмскому списку «Азбуки», с которой нас любезно познакомил В. И. Малышев, сообщает, что она является копией («с такой же азбуки»), «писана лета 7171-го года, а свершена июля в 14 день. А у ней писаны склады азбучныя и розныя мудрости хотящему человеку учиться, хоть русскому или иноземцу какову нибудь». Стокгольмский список является старейшим датированным списком «Азбуки» и позволяет относить время ее создания к середине XVII в. Подтверждается указание И. Забелина и В. П. Адриановой-Перетц на связь «Азбуки» (в рукописной традиции) со скорописной азбукой XVII в.²¹⁷

Чтобы возможно полнее представить сатирическую литературу XVII в., необходимы тщательное обследование, изучение и издание демократических произведений первой половины XVIII в. Многие из них указаны и рассмотрены в специальной главе в книге В. Д. Кузьминой «Русский демократический театр XVIII в.»²¹⁸ и изданы ею,²¹⁹ общий обзор сатиры в рукописных сборниках XVIII в. находится в книге М. Н. Сперанского, вышедшей в 1963 г.²²⁰ Однако весь этот большой раздел литературы еще ждет специального изучения.

Демократическая сатира XVIII в. должна привлечь внимание исследователей не только в плане изучения идейно-художественных связей с предшествующей сатирической литературой, но и в плане выяснения источников, что поможет решить вопрос о происхождении и времени возникновения некоторых сюжетов (вопрос, еще не всегда решенный) и поставить проблему реконструкции сюжетов XVII в.

Примером неясности в датировке и соответственно места произведения

²¹³ БАН, 13.6.8 (собрание Яцимирского, № 85), лл. 39 об.—40. Публикация ее готовилась для «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» (т. IV, вып. 1), но не была осуществлена. В настоящее время подготовлена для публикации нами.

²¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 193.

²¹⁵ БАН, 21.7.8 (Сев., 674), л. 170 об.; см. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук, т. IV, вып. 1, стр. 138—139.

²¹⁶ ГПБ, О.ХVII.57, лл. 283—286. Указано мне В. П. Адриановой-Перетц. См. также: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 30.

²¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, стр. 14. Во время печатания настоящей статьи появилось издание стокгольмского списка «Азбуки»: Lunden Siri Sveredrup. Список XVII века азбуки о голом и небогатом человеке. — Scando-Slavica, t. IX. Copenhagen, 1963, стр. 169—185.

²¹⁸ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М.—Л., 1958, стр. 13—42.

²¹⁹ В. Д. Кузьмина. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII в. — ИЮЛЯ, т. XIV, вып. 4, 1955, стр. 374—383.

²²⁰ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 69—72.

в литературном ряду является датировка шуточной челобитной «Господа бояря, судите, рядите в божию правду». Она рассматривается В. П. Адриановой-Перетц как произведение XVII в., «близкое по времени написания к „Калязинской челобитной“»,²²¹ а М. Н. Сперанский²²² и В. Д. Кузьмина²²³ относят ее к XVIII в. «Сказание о пауте и о комаре и о мизгире и о маразве и о мухе-горюхе» включается в круг сатиры XVIII в.,²²⁴ хотя точка зрения В. С. Миллера, видевшего в «Сказании» черты сказки XVII в.,²²⁵ никак не опровергнута.

Рассмотрение вопросов, связанных с изданием крупнейших повестей XVII в., убеждает в их почти полной текстологической неизученности.

Важнейшие памятники XVII в., те самые «литературные факты», которые должны лежать в основе решения вопросов о жанровом своеобразии русской повести и в основе историко-литературных проблем всего XVII в., нового этапа в развитии древней русской литературы, не имеют научного издания текстов. Неясны архетипы многих повестей («Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о Соломонии» и др.), что очень затрудняет изучение языка и стиля. В ряде случаев не выяснены кардинальные проблемы, решение которых упирается именно в отсутствие текстологического исследования: проблема оригинальности памятника («Беседа отца с сыном», «Повесть о Еруслане Лазаревиче»), проблема происхождения — книжного или устнопоэтического («Сказание о молодце и девице», «Сказание о киевских богатырях»), проблема датировки («Сказание о молодце и девице») и т. д. Многие из повестей не имеют даже печатной библиографии рукописей («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о Соломонии».)²²⁶

Изучение жанра повести должно основываться на всех ее разновидностях, поэтому необходимым представляется издание всей массы повестей, находящихся еще в рукописях.

4 Р^ус^ск^ие

Несколько слов о группе повестей XVII в. на историческую тему.

Литература первой половины XVII в. характеризуется самыми разнообразными в жанровом отношении разработками темы «Смуты» — крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала века.

Обращаясь к произведениям так называемого «Смутного времени», исследователи обычно опираются на издание «Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени» в составе XIII тома «Русской исторической библиотеки».²²⁷ Из трех изданий XIII тома «Рус-

²²¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, стр. 112.

²²² М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 71.

²²³ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII в., стр. 38.

²²⁴ Там же, стр. 21—22.

²²⁵ В. Миллер. Сказка о насекомых в старинной записи. — Этнографическое обозрение, 1895, № 2, стр. 128. В рукописи ГБЛ, ф. 298 (собрание Н. С. Тихонравова). № 324, лл. 56—57 об. (XVIII в.), не привлекавшейся к изучению, находится несколько иной вариант «Сказания».

²²⁶ Попутно встает вопрос о дополнении и уточнении имеющихся библиографий по повестям.

²²⁷ XIII том «Русской исторической библиотеки» целиком посвящен памятникам, относящимся к событиям и лицам «Смутного времени». До этого памятники начала XVII в. печатались, но в разных изданиях. См.: О. А. Державина. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 673.

ской исторической библиотеки»²²⁸ наиболее ценным следует считать 2-е издание, осуществленное в 1909 г., в котором памятники «Смутного времени» представлены наиболее полно. Произведения были напечатаны в нем по спискам, казавшимся издателю в то время наилучшими, с приведением разночтений, с указанием в примечаниях исправлений, которые делались в основном тексте. Однако в настоящее время это издание уже не может в полной мере удовлетворить исследователей. Некоторые из опубликованных в XIII томе «Русской исторической библиотеки» памятников — «Временник» Ивана Тимофеева,²²⁹ «Сказание» Авраамия Палицына,²³⁰ «Новая повесть о преславном Российском царстве»²³¹ — изданы заново, с тщательной выверкой их списков по рукописям, снабжены основательными историко-филологическими комментариями. За период, истекший со времени выхода в свет 2-го издания XIII тома «Русской исторической библиотеки», в архивах были обнаружены новые списки произведений; изучение их подчас заставляет пересматривать картину взаимоотношения списков, на основе которой строилось данное издание.

Нуждается в переиздании «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» или так называемая «Повесть 1606 года», вошедшая в позднейшей своей редакции в состав «Иного сказания». Повесть была издана в XIII томе «Русской исторической библиотеки»²³² по двум спискам (один в вариантах) краткой редакции, считавшимися наиболее исправными. Между тем, как было доказано Е. Н. Кушевой, исследовавшей литературную историю повести, существуют списки, текст которых более первоначален, чем напечатанный в «Русской исторической библиотеке».²³³ В прошлом издании был учтен не весь текстовый материал. Ряд списков краткой и полной редакций, не использованный в издании, был указан еще С. Ф. Платоновым, впоследствии этот перечень дополнила Е. Н. Кушева.²³⁴

«Повесть 1606 года» является старшей в ряду памятников «Смутного времени», ее литературная история представляет особую ценность. Поэтому, основываясь на выводах исследования ее литературной истории, следует осуществить переиздание повести с учетом всего имеющегося рукописного материала.

Одним из памятников, который следует издать заново, является «Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и походе его». В необходимости нового издания этой повести, современной событиям «Смуты», проникнутой «определенным публицистическим заданием», убеждает вышедшая в 1926 г. и заслуживающая самого серьезного внимания упоминавшаяся работа Е. Н. Кушевой.²³⁵ Сказание издавалось неоднократно. Первое издание 1847 г. по двум спискам полной редакции (один из них был привлечен для «разно-

²²⁸ РИБ, т. XIII. СПб., 1891; изд. 2-е. — СПб., 1909, изд. 3-е. — СПб., 1925, 3-е издание содержит лишь часть произведений, напечатанных во 2-м издании.

²²⁹ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»),

²³⁰ Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

²³¹ Н. Ф. Дробленкова. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960.

²³² РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 145—176. В полной редакции повесть издана в составе «Иного сказания» по 2 спискам.

²³³ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. — Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, т. V (XIV), вып. 2. Саратов, 1926, стр. 40—46.

²³⁴ Там же, стр. 39, прим.

²³⁵ Там же, стр. 65—95.

словий») оказалось совершенно неудовлетворительным.²³⁶ Как отмечает Е. Н. Кушева, были нарушены самые элементарные правила передачи текста.²³⁷ Впоследствии была напечатана и краткая редакция «Сказания» тоже по двум спискам (один из них в вариантах).²³⁸ Ознакомясь с изданным материалом и списками «Сказания», которые были известны С. Ф. Платонову, изучив дополнительно и другие списки повести, Е. Н. Кушева пересмотрела существовавшую до нее точку зрения на взаимоотношение текстов и пришла к заключению, что краткая редакция, которую Платонов считал вторичной, первоначально. Ею же уточнены были взаимоотношения между списками внутри самой краткой редакции. Таким образом, в настоящий момент существуют лишь схема взаимоотношения и развития текстов «Сказания» и два издания памятника, одно из которых не отражает как следует действительную картину движения текста, другое — не представляет никакой научной ценности.

В архивах несомненно обнаружатся новые списки «Сказания». Уже сейчас мы можем назвать рукописи, которые были неизвестны и Кушевой: БАН, 21.10.17; 45.8.216. Не все вопросы, связанные с изучением «Сказания» как литературного памятника, уже решены окончательно. «Сказание» необходимо изучать не только само по себе, но и в связи с теми произведениями, которые им пользовались.²³⁹

В статье, напечатанной в 1958 г. в XIV томе «Трудов Отдела древнерусской литературы», Е. В. Колосова сообщила о найденном ею списке XVII в. «Повести о Федоре Ивановиче»²⁴⁰ патриарха Иова. Этот список из собрания Егорова представляет, по мнению автора, иную редакцию повести по сравнению с изданной по трем спискам в «Полном собрании русских летописей»: ²⁴¹ в этом списке характеристика царя Федора Ивановича была дана «более сжато», вместе с тем была усилена «значимость роли Бориса Годунова». Как полагает Е. В. Колосова, в Егоровской редакции «ясно видна цель организовать общественное мнение в пользу Годунова». Список ценен тем, что отражает «позицию дворянства и его взгляды на внутриклассовую борьбу на рубеже XVI—XVII вв.» Редакция же повести, напечатанная в «Полном собрании русских летописей», «совпадает по времени возникновения с годами царствования Романовых» и «организует общественное мнение в пользу новой царствующей фамилии».

Высказанные Е. В. Колосовой пока только в виде предположения соображения относительно «Повести о Федоре Ивановиче» нуждаются в подтверждении. Для этого в первую очередь необходимо тщательно текстологически исследовать списки повести, тем более что в архивохранилищах списки имеются и среди них нам известны и такие, которые в чтениях совпадают со списком Егоровского собрания.²⁴²

²³⁶ См.: ЧОИДР, 1847, кн. 9 («Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отрепьеве и о похищении его». Предисловие Боянского) и отдельно (М., 1847).

²³⁷ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени, стр. 72.

²³⁸ РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стр. XXII—XXIV, стлб. 713—754.

²³⁹ Рассказы о Лжедмитрии в Хронографах были изданы Ростовичиним: Четыре сказания о Лжедмитрии. СПб., 1863. См. также: Сказание о самозванце по списку Московского публичного музея, № 314. (Сообщение С. Ф. Платонова. — ПДП, т. 109, 1895). Изучение всего цикла сказаний о Гришке Отрепьеве, начиная с 1606 г., было бы небезынтересно и с той точки зрения, как обрисован в каждом из этих произведений образ Самозванца.

²⁴⁰ Е. В. Колосова. Новый список Повести о Федоре Ивановиче. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958.

²⁴¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, СПб., 1910.

²⁴² См., например: списки БАН, Арх., Д. № 412, л. 41 об.; 32.8.5, л. 238; списки БАН, 32.8.5, л. 94 и Арх., С. № 131, л. 668 сходны в чтениях с Егоровским списком.

Наиболее значительным произведением начала XVII в. в жанре «видений» является «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия. Известная и в отдельных списках, и в составе компилятивных памятников — «Иного сказания», «Казанского сказания»,²⁴³ — повесть, как и большинство памятников эпохи «Смуты», в прошлом была издана. Впервые текст повести появился в 1862 г. Памятник был издан по случайному списку, находящемуся в составе летописца XVII в.;²⁴⁴ этот список по своим особенностям походит на тот тип «Видения», который находится в составе «Иного сказания».²⁴⁵ В 1891 г. повесть была издана вторично в виде самостоятельного произведения по списку Государственной Публичной библиотеки, текст которого представлялся издателям первоначальным,²⁴⁶ как наиболее полный, и в составе «Иного сказания»²⁴⁷ с разночтениями по нескольким спискам. Повесть не раз привлекала к себе внимание исследователей. Однако считать этот памятник до конца изученным пока еще нельзя. Хотя догадка А. А. Назаревского,²⁴⁸ подержанная А. И. Копаневым,²⁴⁹ в вопросе, давно занимавшем исследователей, — какую из двух формулировок рассуждения о пороках, царящих в обществе, следует считать первоначальной, возможно и правдоподобна, все же этот вопрос еще нельзя считать окончательно разрешенным.²⁵⁰ Для этого следует изучить все списки повести, многие из которых еще мало известны,²⁵¹ и на основании их текстологического исследования осуществить критическое издание этого памятника по всем спискам.²⁵²

«Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию», по предположению исследователей, написанная уже в начале царствования Михаила Романова,²⁵³ известна до сих пор в трех списках. Один из них был издан С. Ф. Платоновым в «Русской исторической библиотеке».²⁵⁴ Другой, представляющий интерес главным образом тем, что после заклю-

²⁴³ См.: М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. — Исторический архив, кн VI, 1951.

²⁴⁴ ЛЗАК, 1861, вып. 1; 1862, отд. II, стр. 52—54.

²⁴⁵ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Изд. Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1958, стр. 108—109.

²⁴⁶ См.: РИБ, т. XIII. СПб., 1891, стлб. 177—186. Два списка при этом были приведены в вариантах.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 115.

²⁴⁹ А. И. Копанев. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну». — ТОДРА, т. XVI М.—Л., 1960, стр. 480.

²⁵⁰ Об этом см.: А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 111—116; А. И. Копанев. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовну», стр. 477—478; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951, стр. 289—290.

²⁵¹ Помимо списков, изданных в РИБ, С. Ф. Платоновым в его монографии были использованы и другие. См.: С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 71. См. также списки повести, которые Платонову известны не были: ГПБ, Q. XVII, 35, F. XVII, 54; ГИМ, собр. Муз., № 2332; имеются списки повести в рукописном собрании Института истории, языка и литературы Карельской базы АН СССР (см.: В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 151); в рукописных сборниках Усть-Цилемы (см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.); в ГБЛ (Записки отдела рукописей, вып. 24. М., 1961, стр. 188).

²⁵² Нуждаются в исследовании и такие произведения жанра «видений» начала XVII в., как «Иное видение», «Повесть о видении мниху Варлааму в великом Новгороде». В рукописных собраниях Москвы имеются списки этих произведений, еще не привлекавшиеся к изучению.

²⁵³ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания, стр. 152; А. А. Назаревский. Очерки..., стр. 148—149.

²⁵⁴ РИБ, т. XIII, стлб. 249—260.

читальной молитвы имел еще особое послесловие к читателям, был опубликован также Платоновым в 1911 г. по рукописи XVII в. архива Выдубецкого монастыря.²⁵⁵ Третий список, обнаруженный Н. К. Никольским в архиве Владимирского братства Александра Невского, издан не был.²⁵⁶ Никольский привел только текст обращения автора к читателям «по копии . . . не сверенной с оригиналом». Следует осуществить критическое издание этой повести с предварительными поисками в книгохранилищах новых списков. В настоящее время исторические условия появления этого памятника с его явным интересом к теме, связанной с Василием Шуйским,²⁵⁷ остаются не совсем ясными.

В свете не решенных из-за отсутствия текстологического исследования задач остановимся на произведениях двух виднейших писателей о «Смуте» времени Михаила Романова — Хворостинина и Катыврева-Ростовского.

«Словеса дней и царей и святителей московских» князя Хворостинина были изданы в 1891 г. по единственно известному в то время списку ГПБ, Q.IV, № 172 конца XVII в.²⁵⁸ Список был неисправен, повесть осталась в нем недописанной: изложение прерывалось на полуслове, отмечались пропуски и внутри текста.²⁵⁹ В настоящее время нам стал известен еще один список собрания Забелина, № 474.²⁶⁰ И хотя, по словам М. Н. Сперанского, описывавшего это собрание,²⁶¹ этот новый список «восходит тоже к неполному прототипу», следовало бы изучить его и издать вместе с первым: «Словеса» Хворостинина представляют немалый интерес как свидетельство появления новых веяний в литературе этого периода.

«Повесть книги сея от прежних лет», приписываемая кн. Катывреву-Ростовскому, уже не раз привлекала к себе внимание своими художественными особенностями. Изучали ее состав, источники. Проблемы взаимоотношения текстов повести касались С. Ф. Платонов,²⁶² П. Г. Васенко.²⁶³ Однако и до сих пор повесть еще изучена не до конца. При решении вопроса о том, какая из редакций лучше сохранила текст протографа,²⁶⁴ или вызвавшего большие споры вопроса об авторстве и о первоначальном составе повести²⁶⁵ без приведения в известность всех списков повести и

²⁵⁵ С. Ф. Платонов. Повесть о некоей брани. — В кн.: Старина и Новизна, кн. 15. СПб., 1911, стр. 24—33.

²⁵⁶ Н. Никольский. К истории текста «Повести о некоей брани, належащей на благочестивую Россию». — Библиографическая летопись, вып. II. Изд. ОЛДП, СПб., 1915, стр. 73—77. По-видимому, этот список повести следует искать во Владимирском отделении Владимиро-Суздальского историко-художественного и архитектурного музея заповедника. См.: А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, стр. 25.

²⁵⁷ По этому поводу см. предположение, высказанное А. А. Назаревским в «Очерках. . .» (сто. 150—151).

²⁵⁸ РИБ, т. XIII, столб. 525—558.

²⁵⁹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . ., стр. 231.

²⁶⁰ Сведения взяты из картотеки Н. К. Никольского (БАН).

²⁶¹ М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Старая традиция. — Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926 (Приложение II, стр. 19).

²⁶² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . ., стр. 258—262.

²⁶³ П. Г. Васенко. О редакциях Повести князя Ивана Михайловича Катыврева-Ростовского. — Записки имп. Русского археологического общества, т. XI, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1899.

²⁶⁴ См.: А. Орлов. Повесть кн. Катыврева-Ростовского и Троянская История Гвидо де Колумна. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917.

²⁶⁵ С. Ф. Платонов. Старые сомнения. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917; А. М. Ставрович. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922; О. А. Державина. К истории создания «Летописной книги».

выяснения литературной истории этого памятника не обойтись. До сих пор ученые опирались на издание С. Ф. Платонова.²⁶⁶ Поправка, внесенная в свое время П. Г. Васенко,²⁶⁷ заключающаяся в том, что один из списков, отнесенных в издании ко II редакции, представляет собой самостоятельную редакцию, промежуточную, хотя и была принята учеными, но дифференцированное издание II и III редакций осуществлено не было. Привлечение всех списков произведения²⁶⁸ и воссоздание наглядной картины литературной истории памятника — очередная задача в деле его дальнейшего изучения.

В начале первой четверти XVII в. возникают произведения, целиком посвященные теме взаимоотношения Руси с Турцией. Это Повесть о двух посольствах и Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. Дальнейшее развитие эти памятники получили во второй половине XVII в. в виде цикла легендарных грамот турецкого султана европейским государям и переписки его с чигиринскими казаками (по образцу письма запорожцев). Произведения эти написаны в форме дипломатических документов — статейных списков и дипломатических грамот, что еще с времен Карамзина²⁶⁹ явилось причиной отнесения их к разряду «подложных» документов и неизученности списков этих произведений.

В XIX в. указанные памятники были изданы по случайным спискам и без предварительного изучения: Повесть о двух посольствах — в 1883 г. Обществом любителей древней письменности по рукописи без указания ее шифра.²⁷⁰ Все остальные повести были опубликованы А. Поповым в «Изборнике» по списку Хронографа 1696 г.²⁷¹

В настоящее время М. Д. Каган²⁷² предприняла исследование и издание текстов повестей, которые исследовательница именует Посольскими повестями. Исследование М. Д. Каган позволит по-новому взглянуть на эти памятники. М. Д. Каган уже осуществлена предварительная публикация повестей по старшим спискам с приведением разночтений. Публикациям

приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XLVIII. Кафедра русской литературы, вып. 5. М., 1955; Н. К. Гудзий. К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958.

²⁶⁶ РИБ, т. XIII, стлб. 559—624, 625—712. Повесть издана здесь в двух редакциях: первая, краткая, по одному списку, вторая, пространная, в составе Хронографа по 5 спискам. До этого повесть в виде отрывков была издана в «Русских достопамяностях» (М., 1815), у гр. Растопчина «Четыре сказания о Лжедмитрии» (СПб., 1863) и целиком по списку, принадлежащему издателю, см.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 283—315.

²⁶⁷ П. Г. Васенко. О редакциях Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. . . .

²⁶⁸ Помимо списков пространной редакции повести, которые были известны С. Ф. Платонову, назовем еще [БАН, 17.9.9, 33.15.9 (в отрывках); ГПБ, собрание Петербургской Духовной академии, № 305 (сведения взяты из картотеки Н. К. Никольского в БАН)].

²⁶⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. Изд. 2-е, стр. 115, прим. 348; стр. 161—163, прим. 442.

²⁷⁰ ПДПИ. СПб., 1883.

²⁷¹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, стр. 448—458.

²⁷² М. Д. Каган. 1) «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957; 3) Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958; 4) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958.

предпосланы исследования, поднимающие вопросы о времени возникновения повестей, их авторе, месте этих произведений в историко-литературном процессе. М. Д. Каган учтена значительная рукописная традиция.

Работу М. Д. Каган над Посольскими повестями еще нельзя считать законченной. Автору предстоит полностью изучить рукописную традицию этих произведений, в особенности это касается Повести о двух посольствах. Повесть о двух посольствах следует издать по всем четырем редакциям с подробным описанием взаимоотношения всех ее списков.

Посольские повести представляют большой интерес, являясь частью нового литературного направления XVII в., образующего переходную ступень от деловой письменности к «беллетристике».

В ряду исторических повестей XVII в. особый литературный интерес представляют произведения, появление которых было вызвано азовскими событиями 1637—1642 гг. Это, по терминологии А. С. Орлова,²⁷³ «историческая» повесть об азовском взятии 1637 г., «документальная» и «поэтическая» — об азовском осадном сидении в 1641 г. и возникшая на их основе так называемая «сказочная» повесть об Азове. Повести эти на протяжении XVIII—XIX вв. неоднократно издавались, как правило, по спискам позднего происхождения. Впервые систематическое текстологическое изучение и научное издание повестей были осуществлены А. С. Орловым.²⁷⁴ В основных своих выводах труды А. С. Орлова об азовских повестях сохранили научное значение и до настоящего времени. Однако с момента выхода работ А. С. Орлова стали известны новые материалы. Находки неизвестных ранее рукописей позволили последнему исследователю повестей А. Н. Робинсону внести в текстологическое изучение этих повестей ряд существенных дополнений, в частности в схему редакций «поэтической» повести.²⁷⁵ Привлечение А. Н. Робинсоном к исследованию списка ГБЛ из собрания Тихонравова, № 135, помогло разрешить вопрос о конце «поэтической» повести и определить время ее написания.²⁷⁶

В основу издания «исторической», «поэтической» и «сказочной» повестей, осуществленного А. Н. Робинсоном в серии «Литературные памятники»,²⁷⁷ взяты лучшие, старейшие списки текстов этих повестей. Издание сопровождается археографическим, историческим и географическим комментариями, а также историко-литературным очерком. Однако, несмотря на то что эта последняя публикация азовских повестей и осуществлена с учетом новейших наблюдений над текстами произведений, в этом издании не могла быть полностью отражена картина движения их текста, так как, согласно правилам, принятым в «Литературных памятниках», варианты к основному тексту каждого памятника привлекаются лишь для исправления чтений основного списка. Неполностью представлены в нем и отдельные виды и редакции произведений, совсем не привлечена к изданию «до-

²⁷³ См.: А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906.

²⁷⁴ А. С. Орлов. 1) Исторические и поэтические повести об Азове... 2) Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Исследование и текст. Варшава, 1906.

²⁷⁵ А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948.

²⁷⁶ А. Н. Робинсон. 1) Поэтическая повесть об Азове... стр. 34—40; 2) Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове. — Доклады и сообщения филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 5, 1948. О стиле «Поэтической» повести см.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове. — Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, вып. 118, Труды Кафедры русской литературы, кн. 2. М., 1946.

²⁷⁷ См.: Воинские повести древней Руси, стр. 41—112, 166—243, 273—283, 306—331.

кументальная» повесть. Новое издание азовских повестей должно включить в себя все типы этих повестей, с возможно полным раскрытием рукописной традиции каждой. Необходимость такого издания диктуется еще и тем, что публикация азовского цикла А. С. Орловым в начале XX века стала в настоящий момент библиографической редкостью.

Среди памятников на историческую тему, созданных в середине—второй половине XVII в., можно назвать несколько, текстологически изученных недостаточно и даже не изученных совсем.

К середине XVII в., по предположению М. Н. Сперанского,²⁷⁸ относятся две повести на тему из византийской истории: «Слово о благочестивом царе Михаиле» и так называемое «Сказание о древе златом и о златом попуге и о царе Михаиле, да о царе Левтасаре». В этих произведениях М. Н. Сперанский, впервые их исследовавший,²⁷⁹ увидел «образчик нарождающейся повести нового типа» со свободным отношением автора «к традиционным приемам творчества», к источнику и его содержанию. Известная в одном списке первая повесть впервые была издана М. Н. Сперанским в Приложении к его исследованию.²⁸⁰ Вторая, дошедшая в различных видах, была в 1899 г. опубликована по одному списку Х. М. Лопаревым,²⁸¹ другой ее вариант был издан факсимиле еще в 1877 г. Обществом любителей древней письменности.²⁸² Последний, краткий вариант М. Н. Сперанский переиздал в своем Приложении, опубликовав одновременно и полные тексты «Сказания» по двум спискам.²⁸³ Заслуга М. Н. Сперанского состоит в том, что он ввел в научный оборот эти два, представляющие значительный интерес в литературном отношении памятника, охарактеризовал их списки, сделал попытку определить их источники, время и среду, в которой они могли возникнуть. Но и после исследования М. Н. Сперанского полного представления о литературной истории «Сказания» мы не имеем. Не все списки, известные М. Н. Сперанскому, были им использованы при издании. Список рукописей, которые знал М. Н. Сперанский, библиографическим указателем был пополнен новыми.²⁸⁴ Приведение в известность всех списков рассматриваемых памятников даст возможность углубить начатое над ними исследование.

Всестороннего исследования и в первую очередь изучения списков памятника заслуживает получившая широкое распространение в XVII в. легендарная, так называемая «История еже о начале Руския земли»,²⁸⁵ которая рассказывала о происхождении восточных славян, об основании Новгорода, о первых русских князьях и т. п. Дошедшая в различных вариантах в огромном количестве списков в виде отдельного произведения и в составе различных компиляций «История» в 1869 г. была издана А. Н. Поповым по рукописи, содержащей Хронограф 1679 г.,²⁸⁶ а в 1878 г. переиздана Ф. Гиляровым с подведением вариантов по 20 рукописям.²⁸⁷

²⁷⁸ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII в. — ТОДРА, т. I. Л., 1934.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же, стр. 161—164.

²⁸¹ Х. М. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, стр. 141—144. Лопарев не раскрывал титла, не вносил в текст выносные буквы.

²⁸² ПДП, т. XV. СПб., 1877.

²⁸³ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке, стр. 164—170.

²⁸⁴ Библиография древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 250; Библиография А. А. Назаревского, стр. 118—119.

²⁸⁵ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I М., 1955, стр. 95—96.

²⁸⁶ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, стр. 442—447.

²⁸⁷ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 15—23.

Что это были за списки, каково было взаимоотношение между ними, Ф. Гиляров не разъяснил. Варианты подведены им были выборочно. Когда могло быть создано это баснословное сказание, сложилось ли оно как самостоятельное произведение или, как предполагал А. Н. Попов,²⁸⁸ было специально сочинено для Хронографа (третьей редакции), поможет выяснить только тщательное текстологическое исследование.

Остановимся еще на одном произведении в этой группе памятников. Издавая в 1892 г. памятники прений о вере, возникших по делу о сватовстве королевича Вольдемара за царевну Ирину Михайловну, А. П. Голубцов предпослал им небольшой рассказ под названием «Повесть и писание о еже случися быти в нашей Русстей земли и нынешних настоящих летех», или «Повесть о внезапной кончине государя Михаила Федоровича, случившееся по безуспешному делу супружества княжны Ирины Михайловны с Вольдемаром королевичем».²⁸⁹

Написанная, судя по замечанию в конце одного из списков, в 1647 г. в Москве, повесть сообщает о сватовстве Вольдемара за царевну Ирину, о приезде королевича в Москву, пребывании в ней, внезапной смерти царя Михаила Федоровича, последовавшей за этим смерти царицы (в связи с неудачно закончившимся сватовством). Автор, по словам Голубцова, «весьма живо изобразил впечатления и настроения, с которыми вышли русские люди из описанных им событий».

Эта повесть прокомментирована Голубцовым не была, между тем небезынтересно было бы выяснить, что в этой повести соответствует действительно имевшим место фактам, что следует относить уже к литературной обработке. Повесть была издана Голубцовым всего лишь по одному из трех известных ему списков, и издание это было осуществлено не по рукописи, в которой видели подлинник, а по списку «Петровского времени».

Так, еще далеко не благополучно обстоит дело с текстологическим изучением и некоторых исторических повестей XVII в. Между тем тщательный текстологический анализ этих произведений необходим был бы не только для изучения истории текста каждого памятника, но главным образом для того, чтобы на судьбе отдельных повестей проследить, как, с одной стороны, происходил процесс перехода к исторической беллетристике, с другой — создавались собственно исторические труды. Одним из первых среди этих трудов явилось сочинение о стрелецком восстании 1682 г. Силивестра Медведева. От него уже идет путь к историческим трудам петровского времени.

²⁸⁸ А. Попов. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869, стр. 204—205.

²⁸⁹ А. Голубцов. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, стр. IV—VII, 1—22.